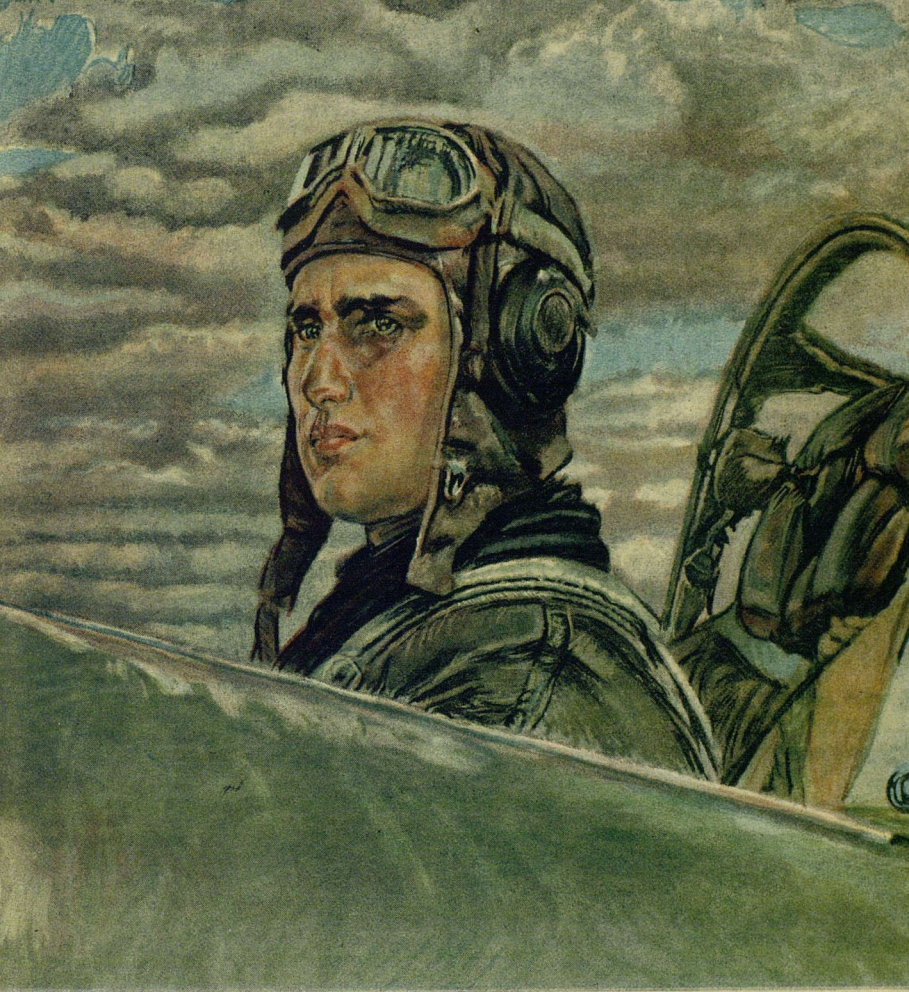




ПИОНЕР

АВГУСТ

Издательство „Правда“ 1945 г.

8

Герой нашего времени

Хочешь знать будущее страны — посмотри на её детей, на её молодёжь.

Мы не можем увидеть зданий, которых ещё нет, но вот они, руки, которым строить. Мы не знаем, какими будут самолёты будущего, но вот люди, которые их конструируют. И если растут они, эти люди, крепкими, сильными духом, — значит страна жить, строить и побеждать.

В литературе разных времён и народов есть много книг, в которых описан молодой человек. Мы знаем Печорина, Онегина, молодых Ростовых, Павла Власова. Это не важно, что их не было на земле, что они созданы воображением писателей и живут только в книге. Умный писатель сумел уловить самое характерное, что было в молодом человеке его времени, и мы видим: такие они и были, молодые люди тех времён, когда нас ещё не было на свете.

А каков же молодой человек нашего времени? О нём пока ещё написано мало книг. Мы узнаём о нём не из толстых романов — в газетных заметках и в журнальных статьях читаем мы о том, как он живёт, что делает, о чём думает, как сражается и как трудится.

Мы видим его в жизни — героя нашего времени, молодого человека чудесной нашей Советской страны. И есть в нашем языке слово, которое очень точно его определяет, — комсомолец.

В этом номере журнала рассказано о нескольких комсомольцах. На обложке — лётчик Алексей Катрич. Он уничтожал не-

мецкие самолёты, он бесстрашно сражался и никогда в бою не думал о себе — только о победе. Он получил самую дорогую награду — Золотую звезду — и самое славное звание — Героя Советского Союза.

Золотой звездой Героя наградили и комсомольца Олега Кошевого. Это было уже после его смерти. Умирая, он не знал, как оценит страна его подвиг, что будут говорить, о нём те, которые останутся жить, и будут ли вообще говорить о нём. Не для славы он жил — для родины.

Комсомолкой была студентка, ставшая во время войны медицинской сестрой, Гуля Королёва. Комсомолец — «младший сын Соловья», танкист Андрей Кузнецов...

Журнал рассказывает о немногих комсомольцах, но их в нашей стране миллионы. Воспитанные партией Ленина — Сталина, они растут верными ее помощниками.

Лучшие качества, которыми обладал когда-либо молодой человек прошлого и о которых рассказали нам книги, мы видим в героях нашего времени — в комсомольцах. Добрые к друзьям, они ненавидят врагов, которые хотят гибели их родины. Любящие всё мирное — книги и спорт, работу и игру, — они полюбили оружие, когда оно понадобилось для защиты страны. Любящие жизнь, они не побоялись смерти.

И если тот, кто носит сейчас красный галстук, кому ещё расти и расти, хочет быть достойным своего времени, — он может сказать просто: хочу быть комсомольцем.



Герой Советского Союза Надежда Троян.

Разговор с будущими комсомольцами

Навсегда запомнила я тот день, когда меня, пионерку, приняли в комсомол. Вздволнованная и счастливая, я продумывала всю свою жизнь, перебирала в памяти все свои поступки. Мне страшно хотелось сейчас же, немедленно, совершить что-нибудь большое, героическое. И в то же время я говорила себе: «Ты должна быть настоящей комсомолкой всегда и во всём — и в большом и в мелочах». Я давала себе слово выполнять то, что поручит мне комсомол, так хорошо, как только могу, всегда ставить перед собой благородные, высокие цели, быть прямой, настойчивой, смелой. И часто, очень часто, ребята, помогала мне потом принять правильное решение мысль о моём комсомольском долге. Когда я стала пионервожатой, мы с моими ребятами не раз, бывало, подолгу толковали о том, что значит стать комсомольцем.

И вот пришёл ещё один день, которого я тоже никогда не забуду, — день, когда для каждого из нас началась суровая проверка. Это был первый день войны.

Как только мы узнали о нападении фашистской Германии на Советский Союз, все комсомольцы нашего института (я училась тогда в Минске, в медицинском институте) собрались возле комитета комсомола. Все мы чувствовали, что надо быть обязательно вместе, наде сейчас же решить, что мы будем делать. Само собой возникло комсомольское собрание, короткое, но такое, что никто из нас никогда о нём потом не забывал. Родина в опасности! Эти слова, полные ещё неизвестного, но сильнее всего смысла, потрясли нас.

Дел в городе было уже много — надо было тушить пожары, эвакуировать детей, помогать

многосемейным и старым людям добраться до вокзала. Комсомольцы распределили обязанности и успешно разошлись в разные районы города.

Я не успела выехать из Минска. С первых же дней, как в город пришли немцы, я обдумывала, с чего мне начать... Прежде всего я установила тайную связь с несколькими знакомыми комсомолками. Вскоре нам представился случай сделать первое полезное дело: через Минск проходила колонна советских военнопленных — мы помогли бежать четырём офицерам.

Первые задания партизан мне было страшно-важно выполнять, но это был страх особый: я боялась не немцев, а самой себя. Вдруг не выдержу роли, вдруг не сумею вполне овладеть собой, где нужно. А умение владеть собой мне понадобилось прежде всего, потому что партизаны поручили мне работать у немцев. Надо было знать немецкий язык, и я засела за его изучение. Очень скоро я уже могла работать у «шефа», то есть начальника одного крупного предприятия.

Моя роль мне очень не нравилась. Мне хотелось в лес, к партизанам. Я думала, что только там можно по-настоящему бороться. Да и хотелось мне видеть себя в полушубке, с автоматом, обешанной гранатами, — словом, настоящей партизанкой!.. Однажды я завела разговор с знакомыми партизанами о том, чтобы меня взяли в отряд. Но мне сказали: «Ты нам нужнее там, где ты сейчас. И разве мало для тебя и для твоих подруг дела? Создайте подпольную комсомольскую организацию. Помогите нам доставать оружие. Позаботьтесь о партизанских семьях — кто, кроме вас, о них позаботится? Готовьтесь и к тому, чтобы выполнять наши задания...»

Я всё поняла. И стала воспитывать в себе умение хорошо действовать в подполье. Мы создали подпольную комсомольскую организацию. С нами вместе работали пионеры, замечательные ребята. Когда мы печатали листовки, они помогали нам их распространять и делали это очень ловко: бежали в лес за ягодами, раскладывали ягоды в бумажные кулёчки, в середину каждого кулёчка вкладывали листовку и продавали на базаре. Они же расклеивали листовки на улицах.

Когда мы собирали продукты для семей партизан, пионеры разносили их по домам, но так, чтобы никто не видел, кто принёс, даже тот, кому посылочка предназначалась. Вечером или рано утром ребята подбирались к крыльцу и осторожно подбрасывали узелок. В этом узелке часто лежал конверт с деньгами — членские взносы комсомольцев: мы собирали их, делили и отсылали таким способом партизанским семьям.

Всё это выглядит, может быть, романтично, и, наверно, не один из вас сейчас думает: «Эх, мне бы так, я бы с честью поработал!» Я тоже уверена в этом, и всё же мне хочется сказать вам

вот что: случается часто, что увлечётся человек прогулкой, заберётся далеко в лес и заблудится, а тут и ночь подойдёт. Надо почевать одному. И — ох, каким опасным представится сразу ночной лес! Начнутся сожаления — зачем пошёл, не лучше ли было бы сидеть дома, в безопасности... Не ограничивайтесь же, ребята, мечтами о подвигах: воспитывайте в себе мужество и стойкость. Они пригодятся вам всегда, даже в самых мирных условиях.

Ну, а что касается повседневной жизни партизан, то она очень далека от романтики. Это трудная, полная лишений и опасности жизнь. И всегда надо быть готовым отважно встретить смерть. Не дрогнуть под пытками.

Володя Косаревский, одиннадцатилетний пионер, был замечательным помощником партизан. Он пришёл в отряд вместе со старшим братом. Володя ходил в разведку, не отставал от брата, когда тот бывал в боях, и охотнее всего шёл туда, «где страшнее», как он сам говорил. В горячем бою Володя был ранен. Один товарищ стал подбираться к нему, чтобы вынести его в безопасное место. В это время двое немцев схватили раненого мальчишку и унесли. После боя партизаны послали разведку, чтобы узнать, где Володя: надо было во что бы то ни стало спасти его. Но разведчики донесли, что он уже в тюрьме и что его страшно пытают. Немцы ничего не узнали от Володи о партизанах. После страшных пыток Володю отправили в концлагерь. И больше никто из нас ничего не слышал об этом мужественном мальчишке.

Да, пионеры героически защищали родину, они были нам верными и надёжными помощниками.

Пионер Геня Шидловский работал курьером в канцелярии того самого «шефа», у которого работала я. Он с товарищем помог нам сделать одно важное дело. В партизанский отряд надо было непременно отправить пишущую машинку и телефонный аппарат. Две их взять, чтобы не навредить на себя подозрений? Мы с Шурой Боровской, работавшей вместе со мной в канцелярии, решили, что отойдём в отряд нашу машинку и наш аппарат. Но как отослать? Кто доставит? Ходить по улице с такими вещами — значило уже стоять одной ногой в могиле...

Наши пионеры придумали: они отприсядут в канцелярию у «шефа» к себе домой на несколько дней и уйдут. На другой вечер один из них, переодетый, привезёт дрова в канцелярию, лошадь будет партизанская. Он принесёт несколько охапок дров к печке и потихоньку вынесет в сани машинку и аппарат. А потом окольными путями поедет к партизанам на условленное место.

Ребята ушли в лес, к партизанам, обо всём договорились, и план был осуществлён. На столе, там, где стояла машинка, остался один футляр.

В моей жизни этот случай был, пожалуй, завершением какого-то первого этапа, проверкой того, как мне удалось воспитать в себе выдержку. Я уже сказала, что мы отдали пишущую машинку, на которой работала я. Значит, я первая должна была обнаружить пропашу.

Я долго обдумывала, как это сделать. Как актриса, готовилась я разыграть эту сцену. Ложь всегда была мне противна. Когда я была ещё пионервожатой в школе, мы с ребятами часто беседовали о правдивости, мне хотелось, чтобы пионеры воспитали в себе прямоту и честность, я учила их этому так же, как и меня учили дома, в школе, в пионерском отряде, в комсомоле. Но то, что мне предстояло теперь, было уже не ложью, это был способ борьбы с врагом, и мне нужно было найти в себе большую силу воли, чтобы довести этот эпизод борьбы до конца.

Мой «шеф» был свирепый волк, допрашивавший и пытавший множество советских людей. Вдруг он заметит во мне что-нибудь неестественное — какой-нибудь взгляд или первое движение?.. «Смирно!» — сказала я себе и отправилась утром в канцелярию. Когда пришёл «шеф», я спросила его, нельзя ли послать к нему домой за машинкой и телефонным аппаратом.

— Почему ко мне домой?

— Здесь их нет, разве они не у вас?

Случайно, что он брат к себе машинку, а телефон был переносной.

Немец вскопил и вышел в общую комнату. Осмотрев все углы, он приказал задержать служащих и устроил допрос. Никто ничего не мог сказать, посторонние сюда не входили. Не добившись толку, он вызвал меня к себе в кабинет:

— Вы что-нибудь знаете о пропаже? Нет? Хорошо. Проследите за этими людьми. Если что-нибудь услышите или заметите, скажите мне. И не говорите нигде об этом, прощественно. Если солдаты узнают, что здесь, в таком охраняемом месте, появился партизанский дух, они потеряют голову и будут бороться ходить по улицам...

Потом у меня много было разных заданий. Каждое из них требовало напряжения всех нравственных сил. Я не могу даже сказать, что было более опасно, что менее, — опасность была всегда, каждый день, каждый час.

Однажды в Минске была облава. Партизаны только что совершили какое-то покушение. Я ехала на велосипеде на завод. Меня остановили и вместе с велосипедом засунули в огромную машину. Мне ни в коем случае нельзя было здесь находиться, мне надо было уйти. Но как? Получив, я обратилась к жандарму по-немецки:

— Вы знаете господина такого-то? (называя фамилию «шефа»).

— Знаю.

— Я в Минске по его поручению. Вот его велосипед, он дал мне его, чтоб я не ждала попутных машин. Выпустите меня, иначе он будет недоволен, что задерживают его служащих.

Как это ни удивительно на первый взгляд, но жандарм меня выпустил. Дело в том, что у немцев чиновничество так развито, что одного имени «шефа» было достаточно для рядового жандарма, чтобы он не посмел перечить. Я давно подметила эту особенность немцев. За городом меня снова остановили. Я снова употребила тот же приём, но патрульный сказал, что не пропустит:

Если знаешь какие-нибудь тропинки, сворачивай в сторону.

Тропинку я не знала. Но, конечно, свернула, лишь бы уйти. Вскоре я увидела трёх чехов — они шли из леса, мне навстречу. Я спросила у них, не знают ли они какой-нибудь обходной тропы. Они выказались меня проводить. По дороге разговорились, наполовину по-чешски, наполовину по-украински. Не знаю, что со мной произошло, только я в каком-то порыве сказала им:

— Отчего вы не боретесь с немцами, что же вы вороте против нас? Ваше место в партизанских отрядах.

Чехи сначала ошарашены, потом один из них взял мою руку и очень по-хорошему сказал:

— Помогите нам связаться с партизанами.

Я опомнилась, поняла, что сделала непростительную оплошность. Но что-то внутри мне подсказало, что они меня не предадут. Я назначила им встречу. Потом я слышала, что эти трое и ещё несколько их товарищей были отважными партизанами.

Красная Армия гнала немцев на запад, и всея нам хотелось ещё горячее помогать Красной Армии, так, чтобы иметь нравственное право с честью встретить её. И я снова и снова проверяла себя, всё ли я делаю, что в моих силах, чтобы помочь освободить родину.

Мы победили. Война кончилась. И, вдумываясь в эти годы, вспоминая, как сражались и трудились комсомольцы, я горжусь тем, что мой родной комсомол выдержал экзамен, оказался надёжным помощником партии. Я думаю о том, какая это высокая честь — быть членом ВЛКСМ и как нужно дорожить ею. Вот об этом-то мне и хотелось сказать вам, тем, кто скоро вступит в комсомол и получит такую же маленькую серую книжечку, какую ношу в своём кармане и я.

Надежда Троян,

Герой Советского Союза

А. Литвиненко взял и обжал в районный суд жалобу на коммунистов вышедших из Комсомола. Вскоре он был арестован.

Возвращение Олега

(Из романа «Молодая гвардия»)

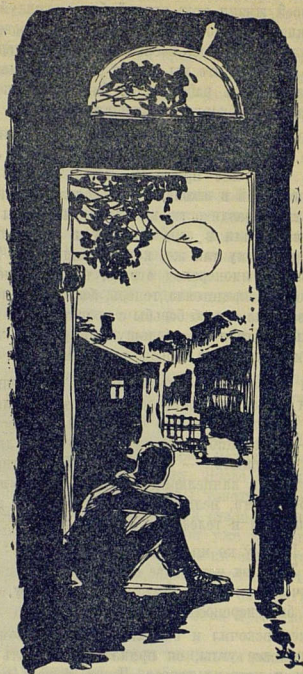
Александр Фадеев Рис. А. Житомирского

В течение многих дней через Краснодон и близкие города и посёлки двигались главные силы немецких войск: танковые части, пехота на машинах, тяжёлые пушки и гаубицы, части связи, обозы, санитарные и сапёрные части, штабы больших и малых соединений. Гул моторов, не умолкая, катился по небу и по земле. Массы пыли мглой застилали небо над городом и над степью.

Все эти первые дни существования под властью немцев, ошеломлённые даже внешним видом движения этих колоссальных масс неприятельских войск, местные жители почти не общались друг с другом. Никто из местных жителей не разбирается в том, какое немецкое начальство здесь временно, а какое постоянно, какая власть установилась в городе и что требуется от жителей, кроме того, что творилось у каждого в доме по произволу проходящих солдат и офицеров. Каждая семья существовала сама по себе, и, всё более сознавая безвыходность и ужас своего положения, каждая по-своему применялась к этому новому и ужасному положению.

Новым и ужасным в жизни бабушки Веры и Елены Николаевны было то, что в их доме расположились один из немецких штабов во главе с генералом фон Венцелем, его адъютантом и денщиком с палевой головой и палевыми веснушками. Теперь у их дома всегда стоял немецкий часовой. Теперь их дом всегда был поскон свободно, как в свой собственный дом, приходивших и уходивших, то совещавшихся, то просто пивших и евших немецких генералов и офицеров, звуков их немецкой речи и звуков немецких маршей и немецкой речи по радио. А хозяева дома, бабушка Вера и Елена Николаевна были вытеснены в маленькую, нестерпимо душную от непрерывно толпившейся рядом на кухне плиты комнатку и с самого раннего утра до поздней ночи обслуживали проезд немецких генералов и офицеров.

Ещё вчера бабушка Вера Васильевна была заступившая себе работой на селе общественное имя персональная пенсионерка, мать геолога одного из крупнейших трестов Донбасса, а Елена Николаевна — вдова видного советского работника, заведующего земельным отделом в Каневе, мать лучшего из учеников краснодонской шко-



лы, — ещё вчера обе они были всем известные и всеми уважаемые люди. А теперь они были в полном и беспрекословном подчинении у немецкого денщика с палевыми веснушками.

Генерал барон фон Венцель был настолько поглощён делами войны, что не замечал бабушки Веры и Елены Николаевны. Значительную часть времени он проводил в штабе или, сидя в своей комнате, читал, надписывал и подписывал бумаги, которые подавал ему адъютант, или часами сидел над картой и пил коньяк с другими генералами.

А адъютант на длинных ногах старался во всём походить на генерала. Казалось, он, адъютант, даже вырос таким длинным только затем, чтобы походить на своего длинного генерала. И так же, как генерал, он старался не замечать ни бабушки Веры, ни Елены Николаевны.

Ни для генерала, ни для его адъютанта бабушка Вера и Елена Николаевна не существовали не только как люди, а даже и как предметы. А денщик с палевой головой и палевыми веснушка-

ми был теперь их полновластный начальник и хозяин.

И, осваиваясь с этим новым и ужасным положением, бабушка Вера с первых же дней обнаружила, что она не согласна мириться с этим положением. Хитрая бабушка Вера догадалась, что денщик с палевыми веснушками не настолько властен в присутствии своих начальников, чтобы посметь убить её, бабушку Веру. И с каждым днём она всё смелее пререкалась с денщиком, а когда он кричал на неё, она сама кричала на денщика. Однажды, вспыхнув, он шнул её своим громадным каблуком в поясницу, но бабушка в ответ изо всей силы ударила его сковородкой по голове и, как это ни странно было, побавровевший денщик словно захлебнулся. Такие странные и сложные отношения установились у бабушки Веры с денщиком с палевыми веснушками. А Елена Николаевна всё ещё находилась в состоянии глубокого внутреннего оцепенения и, неподвижно нося чуть закинутую назад голову в короне пышных светлорусых волос, механически, молча исполняла то, что от неё требовали.

В один из таких дней Елена Николаевна шла по улице, параллельной Садовой, за водой и вдруг увидела двигавшуюся ей навстречу знакомую подводу, запряжённую буланым коньком, и идущего рядом с подводой сына Олега.

Елена Николаевна беспомощно оглянулась, выронила ведро и коромысло и, раскинув руки, кинулась к сыну.

— Олежа... мальчик... — повторяла она, то припадая лицом к груди его, то поглаживая его светлорусые, позолотившиеся от солнца волосы, то просто касаясь ладонями его груди, плеч, спины, бёдер.

Он был выше её на голову; за эти дни он сильно загорел, осунулся в лице, возмужал; но somehow эту возмужалость более чем когда-либо проступали те, навеки сохранившиеся для неё в сыне черты его, какие она знала в нём, когда он лежал первые слова и делал первые шаги на полных, круглых загорелых ножках и его заносило боком, как ветром. Он действительно был ещё только большое дитя. Он обнимал мать своими большими сильными руками, а глаза его из-под широких светлых бровей сияли так, как они сияли матери все эти шестнадцать с половиной лет. — чистым и ясным сыновним светом, и он всё повторял:

— Мамо... мамо... мамо...

Ничего и ничего не существовало для них в эти несколько мгновений; ни двух немецких солдат, из ближнего двора наблюдавших за ними, — нет ли в этом чего-либо, нарушающего порядок, Ordnung, ни стоявших возле брички родных лю-

дей, с разными чувствами смотревших на встречу матери и сына: дядя Коля — флегматично и печально, тетя Марина — со слезами на чёрных, красивых утомлённых глазах, трёхлетний мальчик — удивлённо и капризно, почему не его первого обнимает и целует тётя Лена, а дед-возчик — с тактичным выражением старого человека, вот, мол, какие дела бывают на свете. А добрые люди, тайком наблюдавшие из окон за встречей так по-кожих друг на друга рослого юноши, с непокрытой опасенной солнцем головой, и совсем ещё молодой женщины с пышными косами, окружавшими её голову, могли бы подумать, что это встретились брат и сестра, когда б они не знали, что это Олег Кошевой вернулся до матери своей, как возвращались теперь сотни и тысячи краснокошеч, не успешных уйти от беды, возвращались к своим родным, в свои хаты, занятые немцами.

Марина с маленьким сыном поселилась в комнате рядом с кухней вместе с бабушкой Верой и Еленой Николаевной. А Николай Николаевич и Олег сбили себе из досок два топчана и кое-как устроились в деревянном сарайчике во дворе.

Бабушка Вера, истомившаяся без слушателей (де могла же она считать собеседником денщика с палевыми веснушками!), сразу обрушила на них ворох городских новостей. Ни одно предпринятие и учреждение не работает, но, по приказу немецкого коменданта, люди обязаны являться по месту работы и отсиживать положенные часы. Немцы вылавливают в городе евреев и увозят под Ворошиловград, где будто бы образовано гетто, но многие говорят, что на самом деле евреев довозят только до Верхнедуданьей рощи и там убивают и закапывают. И Мария Андреевна Борц очень боится за мужа, чтобы кто-нибудь его не выдал. До сих пор ни один коммунист и ни один комсомолец не явился на регистрацию к немецкому коменданту («да чтоб я сама им в плутку полезла, — нехай вони так подавляться!» — сказала бабушка Вера), да, говорят, многих уже раскрыли и поарестовали, но кого именно, про то бабушка Вера не знала. После пожара в тресте, при сходных обстоятельствах сгорела новая баня за Шанхаем: немцы только прибрали и оборудовали здание под казарму, как вдруг здание загорелось. Из разговоров немецких солдат было известно, что в районе станции Митякинской и в других местах идут сильные бои между немецкими частями и партизанами. И в связи со всеми этими делами в городе и в районе арестовали по подозрению много невинных людей.

С того момента как Олег вернулся домой, то оцепенение, в котором все дни со времени его отъезда, а особенно с приходом немцев находилась Елена Николаевна, снялось с неё, точно вол-

шею рукой. Она теперь всё время находилась в состоянии душевного напряжения и той энергической деятельности, которая так свойственна была ей по натуре. Как орлица над вышавшим из гнезда орёнком, кружилась она над сыном. И часто-часто дышал он на себе её внимательный и пристрастно-беспокойный взгляд. «Как ты, сынок? В силах, да? Ты выцелел всё это, сынок?»

— А вот посетитего нравственного плодства, который он испытал в дороге, вдруг вылетел из глубокое душевного оцепенения. Всё было не так, как он представлял себе, испытывая в минувшем году.

Опять, вступая в борьбу, она представила в мечтах как беспрерывный ряд попыток против насилия и зла. Но эти оказались неустойчивыми и казались то невыносимым, мерзко будничным.

Не было в живых лохматого, чёрного, простодушного пса, с которым Олег так любил возиться. Ушла с вырубленными в дворах и палисадниках деревьями и кустами выгнана тобой. И по этой голой улице казалось, ходили голые немцы.

Генерал барон фон Вейцель так же не замечал Олега, Марину и Николая Николаевича, как он не замечал бабушки Веры и Елены Николаевны.

Бабушка Вера, правда, не чувствовала ничего оскорбительного для себя поведения генерала.

— То ж ихний новый порядок, — говорила бабушка. — А я вже стара и знаю, что то дуже старый порядок, як був у нас при крепостном праве. При крепостном праве у нас тож булы немцы-помещики, тож ж надменни и таки ж каты, як ший барон, хай ему очи повислазють. Що ж меня на его обижать? Он всё равно будет такой, пока наши не придуть, та не вытеруть ему голову.

Но для Олега генерал с его узкими блестящими штроблетами и чисто промытым кадыком был главным виновником того невыносимого унижения, в какое повергнуты были Олег и близкие к нему люди, и все люди вокруг. Освободиться от этого чувства унижения, казалось, можно было, только убив немецкого генерала, но на место этого генерала появлялся другой и притом совершенно такой же — с чисто промытым кадыком и блестящими штроблетами.

Но кто поистине делал жизнь молодых людей невыносимой, так это денщик с палесвыми веснушками. У денщика было удивительно много свободного времени: он был главным среди друзей денщиков, прозавов, солдат хозяйственной команды, обслуживавшей генерала. И всё свободное время денщика с палесвыми веснушками уходило на то, чтобы снова и снова расспрашивать молодых людей, как они хотели уйти от немцев и как им это не удалось, и, в который уже раз,

высказывать им свои соображения о том, что только глупые или дикие люди могут хотеть уйти от немцев.

Он преследовал молодых людей и в дворянском сарае, где они отсиживались, и на дворе, когда они выходили подышать свежим воздухом, и в доме, когда генерал отсутствовал. И только появление бабушки освобождало их от преследований денщика.

Как это было — странно, но промандиры красными ружьями денщик, выиграв державшийся с бабушкой так же развязно, как и со всеми, поблаиваясь бабушки Веры. Немец денщик и бабушка Вера изъяснялись друг с другом на чудосмешливой смеси русского и немецкого языков, подернутой милитарской работой лица и тела, всегда очень точной и ядовитой. У бабушки и всегда очень грубой, какой-то плотской, и глупой, и злой у денщика. Но они великолепно понимали друг друга.

Теперь все семья сходилась в дворянском сарае: завтракать, обедать и ужинать, и всё это проделывалось точно украдкой. Ели постные борщи, зелень, варёную картошку и — вместо хлеба — пышные пресные лепёшки бабушкиного изготовления. У бабушки было припрятано ещё не мало всякого добра. Но после того, как немцы пожарили всё, что плохо лежало, бабушка стригала только постное, стараясь показать немцам, что больше и нет ничего. Ночью, когда немцы спали, бабушка тайком приносила в сарай кусочек сала или сырое яйцо, и в этом тоже было что-то унизительное — есть, причась от дневного света.

Ватико не подавал вестей о себе. И Вая не приходил. И трудно было представить себе, как они встретятся. Во всех домах стояли немцы. Они с резинкой наподательностью присматривались к каждому приходящему человеку. Даже обычная встреча, разговор на улице вызывали подозрение.

В те часы, когда ни генерала, ни его адъютанта не было дома, Олег и Николай Николаевич заходили в родной дом. В нос им ударял сложный парфюмерный запах, запах запряженного табака и ещё тот специфический холостяцкий запах, которого не в силах задушить ни запахи духов, ни табак и который в равной степени свойственен жилищам генералов и солдат, когда они живут вне семьи.

В один из таких тихих часов Олег вошёл в дом проведать мать. Немецкий солдат-повар и бабушка Вера молча стригали на плите — каждый своё. А в горнице, служившей столовой, развися на диване в ботинках и в плетёте, лежал денщик, курил и, видно, очень скучал. Он лежал

ма том самом диване, на котором обычно спал Олег.

Едва Олег вошёл в комнату, ленивые, скачущие глаза денщика остановились на нём.

— Стой! — сказал денщик. — Ты, кажется, начинаешь задирать нос; — да, да, я всё больше замечаю это! — сказал он и сел, опустив на пол громадные ступни в ботинках с толстой подметлой. — Опусть руки по швам и держи вместе пятки, — ты разговариваешь с человеком старше тебя! — он пытался вызвать в себе если не гнев, то раздражение, но духота так разхоронила его, что он не имел силы на это. — Исполняй то, что тебе сказано! Слышишь? Ты!.. — вскричал денщик.

Олег, понимавший то, что говорит денщик, и молча смотревший на его палевые вешушки, вдруг сделал испуганное лицо, быстро присел на корточки, ударил себя по коленкам и вскричал:

— Генерал идёт!

В то же мгновение денщик уже был на ногах. Вставав, он успел вырвать из рта сигаретку и смять её в кулаке. Ленивое лицо его мгновенно приняло подобострастно-тугое выражение. Он шёл к каблучкам и застыл, вытянув руки по швам.

— То-то, холуй! Развалился на диване, пока барыня спит... Вот так и стой теперь, — сказал Олег, не повышая голоса, испытывая наслаждение от того, что он может высказать это денщику без опасения, что тот поймёт его, и прошёл в комнату к матери.

Мать, закинув голову, стояла у двери с бледным лицом, держа в руках шитьё: она всё слышала.

— Разве так можно, сынок... — начала было она.

Но в это мгновение денщик с ревом ворвался к ним.

— Назад! Сюда! — ревел он вне себя.

Лицо его так побавровело, что не видно стало вёшушек!

— Не обращай внимания, мама, на этого видюху, — чуть дрожащим голосом сказал Олег, но глядя на денщика, словно его тут и не было.

Сюда!.. Свинья! — ревел денщик.

Вдруг он ринулся на Олега, схватил его обеими руками за отвороты пиджака и стал бешено трясти Олега, глядя на него совершенно белыми из-за бешеного лица глазами.

— Не надо... не надо! Олеська, ну уступи ему, зачем тебе... — говорила Елена Николаевна, пытаясь своими маленькими руками оторвать от груди сына громадные красные руки денщика.

Олег, тоже весь побавровев, обеими руками схватил денщика за ремень под мундиром, и сверкающие глаза его с такой силой ненавидели вонза-

лись в лицо денщика, что тот на мгновение сменился.

— Ни-пу-сти!.. Слышишь? — сказал Олег страшным шепотом, с силой подтянув денщика к себе и приходя в тем бо́льшую ярость, что на лице денщика появилось это выражение: не то чтобы страха, но сомнения в том, что он, денщик, поступает достаточно выгодно для себя.

Денщик отпустил его. Они оба стояли друг против друга, выжидая сына.

— Уйди, сынок... Уйди... — повторяла Елена Николаевна.

— Дикарь... Худший из дикарей, — стараясь вложить презрение в свои слова, говорил денщик пониженным голосом, — врёх вас, дучжо, дресировать хлыстом, как собак!

— Это ты худший из дикарей, потому что ты холуй у дикарей, ты только и умеешь воровать кур, рыться в чемоданах у женщин да стаскивать сапоги с прохожих людей! — с ненавистью глядя прямо в белые глаза его, говорил Олег.

Денщик говорил по-немецки, а Олег по-русски, но всё, что они говорили, так ясно выражали их пазы и лица, что оба отлично понимали друг друга. При последних словах Олега денщик тяжёлой, набравшей давящую с такой силой ударил Олега по лицу, что Олег едва не упал.

Никогда, за все шестнадцать с половиной лет жизни, ничья рука — ни по запытливости, ни ради наказания — не касалась Олега. Самый воздух, которым он дышал с детства и в семье и в школе, был чистый воздух соревнования, где грубое физическое насилие было так же невозможно, как кража, убийство, клеветническое измышление. Бешеная кровь хлынула Олегу в голову. Он кинулся на денщика. Денщик стирнул к двери. Мать повисла на плечах у сына.

Олег! Олеська! Олеська! — Олеська! — говорила она, блестя сухими глазами, всё ярче прижимаясь к сыну.

На шум прибежали бабушка Вера, Николай Николаевич, повар-немец в поварской шапочке и белом халате поверх солдатского мундира. Денщик ревел, как индеец. А бабушка Вера растопырив сухие руки, с разбегающимися на них жесткими рукавами, кричала и прыгала перед денщиком, как наседка, вытесняя его в столовую.

— Олеська, мальчик, утешай тебя... Окошко оторыто, беги, беги!.. — жарко шептала Елена Николаевна на ухо сыну.

В окошко? Не буду я лазать в окошко в своём доме! — говорил Олег, самолюбиво подражая позыми и губами. Но он уже пришёл в себя. — Не бойся, мама, пусти... я и так уйду... И пойду к Лене, — вдруг сказал он.

Он решительными шагами вышел в столовую. Все отступили перед ним.

— И свинья же ты, свинья! — сказал Олег, обернувшись к денщику. — Бьёшь, когда знаешь, что тебе нельзя ответить... — и неторопливым шагом вышел из дому.

Щека его горела. Но он чувствовал, что одержал моральную победу: он не только ни в чём не уступил немцу, — немец испугался его. Не хотелось думать о последствиях своего поступка. Всё равно! Бабушка права: считаться с их новым порядком! К чортовой матери! Он будет поступать так, как ему нужно. Посмотрим ещё, кто кого!

Он вышел, через калитку от Саллиных, на улицу, параллельную Садовой. И почти у самого дома столкнулся с Стёпой Сафоновым.

— Ты куда? А я к тебе, — живо сказал маленький белоголовый Стёпа, очень радушно, обеими руками, встряхивая большую руку Олега.

Олег смутился:

— Тут, в одно место...

Он хотел даже добавить «по семейному делу», но язык у него не повернулся.

— Что у тебя такая щека красная? — удивлённо спросил Стёпа, отпустив руку Олега. Он точно подрядился спрашивать девчонка.

— С немцем подрался, — сказал Олег и улыбнулся.

— Что ты говоришь?! Здорово! — Стёпа с уважением смотрел на красную щеку Олега. — Тем лучше. Я к тебе, собственно говоря, и шёл немножко по этому делу.

— То есть по какому делу? — засмеялся Олег.

— Пойдём, я тебя провожу, а то, если будем стоять, кто-нибудь из фрицев привяжется... — Стёпа Сафонов взял Олега под руку.

— Луч-чше я тебя провожу, — сказал Олег, заикаясь.

— Может быть, ты вообще можешь отложить на некоторое время своё дело и пойти со мной?

— Куда?

— К Вале Борц.

— К Вале?... — Олег чувствовал угрызения совести оттого, что он до сих пор не навестил Валию. — У них немцы стоят?

— Нет. В том-то и дело, что нет. Я, собственно, и шёл к тебе по поручению Вали.

Какое это было счастье — вдруг очутиться в доме, в котором не стоят немцы! Очутиться в знакомом тенистом садике всё с той же, точно отделанной мехом, клумбой, похожей на шапку Мономаха, и с той же многоствольной старой акацией с её светлозелёной кружевной листвой, такой неподвижной, будто она напита из синее степное небо.

Мария Андреевна все ученики её школы ещё



Они крепко пожали друг другу руки.

казались маленькими. Она долго тискала, целовала Олега.

Олег насилу освободился из её объятий.

— Вы знаете, он уже с фрицем подрался, — видите, какая у него щека красная! — с удовольствием сказал Стёпа Сафонов.

— Серьёзно, подрался? — Вали с любопытством смотрела на Олега. — Мама, — вдруг обернулась она к матери, — мне кажется, тебя в доме ждут...

— Боже, какие конспираторы! — шумно сказала Мария Андреевна, воздев к небу свои плотные руки. — Уйду, уйду...

— С офицером? С солдатом? — допытывалась Вали у Олега.

Кроме Вали и Стёпы Сафонова, в садике присутствовал незнакомый Олегу паренёк, худенький, босой, с курчавыми жёсткими светлыми волосами на косой пробор и с чуть выдавшимися вперёд губами. Паренёк молча сидел в развилке меж стволов акаций и с момента появления Олега не спускал с него твёрдых по выражению, пытливых глаз. В этом его взгляде и во всей манере держать себя было что-то, внушавшее ува-

женне, и Олег тоже невольно поглядывал в его сторону.

— Олег! — сказала Валя с решительным выражением в лице и в голосе, когда мать вошла в дом. — Помоги нам установить связь с подпольной организацией... Нет, ты подожди, — сказала она, заметив, как в лице Олега сразу появилось отсутствующее выражение. Впрочем, он тут же простодушно улыбнулся. — Ведь ты же, наверно, знаешь, как это делается! У вас в доме всегда бывало много партийных, и я знаю, что ты больше дружишь с взрослыми, чем с ребятами.

— Нет, к сожалению, связи мои п-потеряны, — с улыбкой отвечал Олег.

— Говори кому другому, — здесь все свои... Да! Ты, может быть, его стесняешься? Это же Серёжа Тюленин! — воскликнула Валя, быстро взглянув на паренька, молча сидевшего в развилке стволов.

Валя ничего больше не добавила к характеристике Серёжи Тюленина, но этого было вполне достаточно.

— Я говорю правду, — сказал Олег, обращаясь уже к Серёже Тюленину и не сомневаясь в том, что он-то, Серёжа Тюленин, и был главным зачинщиком этого разговора. — Я знаю, что подпольная организация существует. Я не сомневался, что поджог треста и бани — это её рук дело. — говорил Олег, не заметив, как при этих его словах как-то искорка-дичинка промелькнула в глазах у Вали и улыбка чуть тронула её верхнюю полную яркую губу. — И у меня есть сведения, что в ближайшее время мы, комсомольцы, получим указания, что нам делать.

— Время идёт. Руки горят! — сказал Серёжка.

Они стали обсуждать ребят и дивчат, которые могли быть в городе. Стёпа Сафонов, общительный парень, друживший с ребятами и дивчатами всего города, всем им давал такие отчаянные характеристики, что Валя, Олег и Серёжка, забыв о немцах и о том, ради чего они подняли этот разговор, покатывались от хохота.

Они вышли вместе с Серёжкой.

— Мне Валя много рассказывала о тебе, Олег, да я, как тебя увидел, и сам положился на тебя душою, — кинул на Олега несколько смущённый быстрый взгляд, сказал Серёжка. — Говорю тебе об этом так, чтобы ты знал, и больше говорить об этом не буду. А дело вот в чём: это никакая не подпольная организация подожгла трест и банию, это я поджёл...

— Как, один? — Олег с заблестевшими глазами смотрел на Серёжку.

— Сам, один...

Некоторое время они шли молча.

— П-плохо, что один... Здорово, смело, но... п-плохо, что один, — сказал Олег, на лице которого было одновременно и добродушное и озабоченное выражение.

Они медленно шли по Деревянной улице, — бо-сой Серёжка — вразвалку, а Олег, легко и сильно ступая по пыли в своих, как всегда, аккуратно вычищенных ботинках, — и Олег развёл перед товарищем свой план действий: присматриваться к молодёжи, брать на примету наиболее верных, стойких, годных к делу; узнать, кто арестован в городе и в районе, где сияют, найти возможность помощи им; и непрерывно разведывать среди немецких солдат о всех военных и гражданских мероприятиях командования.

Серёжка, сразу оживившись, предложил организовать сбор оружия: после боев и отступления много его валялось по всей округе, даже в стени.

Они оба понимали, насколько всё это дела будничные, но это были дела осязаемые, — в обоих заговорили чувства реальности.

— Всё, что мы друг другу сказали, всё, что мы узнаем и сделаем, не должен знать, кроме нас, никто, как бы близко к нам люди ни стояли, с кем бы мы ни дружили! — говорил Олег, глядя перед собой ярко блестевшими, расширенными глазами. — Дружба дружбой, а... здесь к-кровью пахнет, — с силой сказал он. — Ты, Валя, я, и всё... А установим связи, там нам скажут, что делать...

Серёжка промолчал: он не любил словесных клятв и заверений.

— Что в парке сейчас? — спрашивал Олег.

— Немецкий автопарк. И зенитки кругом. Изрыли всю землю, как свиньи!

— Бедный наш парк!.. А у вас немцы стоят?

— Так, проходом, — им наше помещение не нравится, — усмехнулся Серёжка. — Встречаться у меня нельзя, — сказал он, поняв смысл вопроса Олега, — народонаселение большое.

— Будем держать связь через Валу.

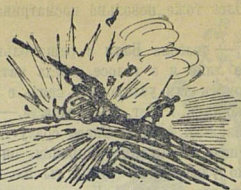
— Точно. — с удовольствием сказал Серёжка.

Они дошли до переезда и здесь крепко пожали друг другу руки. Они были почти ровесники и сразу сблизилась за время этого короткого разговора. Настроение у них было мужественно-приподнятое.





Младший сын СОЛОВЬЯ



В. Полторацкий

Рис. В. Цельмера

— Глядите сюда, — сказал командир батальона и развернул карту.

Танкисты тесней обступили маленький шаткий столик.

— Задача заключается в том, чтобы вырваться к этому хутору, на перекрёстке дорог. Оседлав перекрёсток, мы отрезаем немцам пути отхода, и тогда...

Было ясно, что тогда немецкая дивизия, стиснутая с двух сторон нашими наступающими войсками, будет раздавлена и если попытается выскочить, танкисты не пустят её. Но вырваться к хутору, а тем более овладеть им было не так-то легко: танкистам предстояло пройти по весеннему бездорожью десяток километров, и потом, кто знает, какая у немцев там оборона! Уж, наверно, они постарались укрепить хуторок.

— Надо подобраться внезапно, — сказал комбат. — Есть две дороги. Первая — через поле, на северную окраину. Но там, возле самого хутора, овраг. Каков он? Пройдут ли через него наши танки? А вот вторая дорога, — он взял карандаш и прочертил на карте пунктирную линию. — Мы огибаем рошу и выходим к ручью. Мост, вероятно, цел. Перескакиваем через ручей, поднимаемся на пригорок, и хуторок лежит у нас на ладони. Правда, с этой стороны немцы попытаются загорючить себя противотанковой артиллерией, но, как говорится, чем черт не шутит. Попробуем! Пойдём именно этой дорогой, а другой вариант останется про запас...

Через полчаса танковый батальон двинулся к хутору. Миновав рошу, танки развернулись в боевой порядок и на полной скорости устремились к ручью.

Впереди, из-за едва прикрытого снегом пригорка, виднелись верхушки тополей и серые крыши хуторских построек. Два танка, вырвавшиеся вперёд, подходили уже к маленькому переброшенному через ручей мостику, но тут с пригорка почти в упор начала бить немецкая пушка. У первого танка снарядом пробило боковую броню, и он загорелся. У второго повредило гусеницу и заклинило башню.

Командир батальона приказал по радио экипажам подбитых танков взорвать машины, а самим выходить, как могут. Он, видимо, решил воспользоваться вторым вариантом атаки и повернул на другую дорогу...

Вечерело. Дул северный ветер. В горящем танке был ранен механик. Товарищи помогли ему вылезти из машины, но тут их обстреляли немецкие пулемётчики. Позади

танков лежало ровное, слегка покатое поле, бежать по нему или даже ползти было опасно, и люди повернули к другому танку, стоявшему метрах в пятидесяти. Он был хоть и искалеченным но всё-таки живым, и по привычке, что ли, танкисты чувствовали себя возле него лучше.

Они подползли к подбитому танку. Один из них постукал рукояткой пистолета в броню и спросил:

— Ребята, вы здесь?

Из танка глухо, как из погреба, донеслось:

— Здесь.

В танке было четверо. Младший лейтенант Кузнецов, башенный стрелок Николаев, механик-водитель Илья Гусак и радист Лихобаба. Командовал танком Андрей Кузнецов, которого в батальоне звали «младшим сыном Соловья». Дело в том, что при переговорах по радио в бою пользуются условными позывными. Позывной командира батальона был «Соловей». А отдельные танки комбат называл «сыновьями». И если приходилось докладывать об обстановке комбату, то он докладывал приблизительно так: «Говорит Соловей. Мои сыновья атакуют хутор» — или: «Да моих сына пошла в разведку, остальных держу при себе...»

Командир танка, комсомолец Андрей Кузнецов, был самым молодым в батальоне, вот и прозвали его товарищи «младшим сыном Соловья».

Когда был получен приказ оставить машину, Кузнецов сказал экипажу:

— Подождём. Сейчас нас, как рябчиков, расстреляют. Стемнеет совсем, тогда выйдем.

Впрочем, не только опасность быть подстреленным удерживала его в танке. Уж если говорить правду, здесь было даже опаснее. Но Кузнецов очень привык к своей машине. Он прошёл на этом танке через всю Украину. Он мог рассказать историю каждой вмятины и каждого шрама на его башне. Например вот эта продолговатая метка получена в бою под Ахтыркой, когда снаряд чуть было не своротил башню. Кривой рубец у пулемётного яблока остался как память о отчаянной атаке на городок Лохвицу. Правый задний угол броневой коробки был помят осколком бомбы под Киевом. Машина была для танкистов их боевым товарищем. Бросить её, уйти казалось им бесчестным и недостойным. Но сообщить командиру батальона о своём намерении остаться в танке Кузнецов не успел. Что-то случилось с радиопередатчиком. Напрасно радист Лихобаба повторял

позывной своего комбата. «Соловей» не слышал. Рация не работала.

Батальон ушёл за увалы, и оттуда теперь доносились глухие удары орудий, а Кузнецов со своими товарищами остался в чистом поле, на виду у противника.

Из танка вылез механик Илья Гусак. Осмотрев машину, он сказал, что повреждение можно исправить. Беда лишь в том, что работать придётся без света.

— Работай, Илья,— сказал Кузнецов.— Возьми себе в помощь Николаева—и работай. А мы в случае чего отстреливаться будем, чтобы немцев не подпустить.

Возле машины остался раненый механик с другого танка, а остальные, взяв автоматы и обвязавшись гранатами, поползли вперёд, ближе к мосту, отстреливаясь от немцев и не подпуская их близко...

Гусак и Николаев работали, лёжа под танком, неловко скрючившись. Было холодно. Руки коченели от морозного, колючего ветра. Впереди потрескивали выстрелы. Порою пули со звоном ударялись о броню.

— Ты, Илья, любишь футбол? — неожиданно спросил Николаев.

— Ничего,— ответил Гусак. — Интересно.

— А я в школьной команде вратарём играл. У нас была хорошая команда. Один раз даже на второе место по области вышли...

— Ну-ка, натяни ломом гусеницу,— перебил механик.— За ленивец поддён. Так...

Они работали наошуп, не зажигая огня, и изредка согревали оковевшие руки дыханием. Немцы всё ещё стреляли, и пули с тонким свистом проносились над ними. Смерть была очень близко. Искала их. Но они не думали о смерти и хотя говорили о постороннем — о футболе, о своих родных местах, о товарищах, оставшихся далеко, в России, но всё внимание их было поглощено работой. Они хотели оживить танк, заставить его двигаться и воевать.

Ночью группа немецких автоматчиков, человек двадцать, два раза пыталась подойти к мосту. Оба раза Кузнецов встречал их огнём и отбрасывал на пригорок, к пушке. Пушка беспокоила его больше всего.

— Утром она нас подметит,— говорил Кузнецов командиру сгоревшего танка.

Наконец, Кузнецову показалось, что немцев стало поменьше. «Может, до утра в хutor ушли»,— подумал он и не выдержал,— сказал товарищам:

— В случае чего, вы меня огнём прикройте,— и пошёл на пригорок.

Снегу в поле было немного. Кое-где его сдуло ветром, кое-где он подтаял: в последние дни были оттепели. Замасленный полушубок танкиста скрывал его на этом фоне лучше, чем маскировочный халат. Кузнецов отполз шагов на пятнадцать и пропал.

Прошло томительных тридцать минут. Вдруг впереди на пригорке взметнулось красноватое пламя. Мелькнули силуэты пушки, падающий солдат, донеслись два взрыва. Часто, вразброд, застрочили немецкие автоматы. А потом через десять минут из темноты вынырнул Кузнецов, весь мокрый, без шапки.

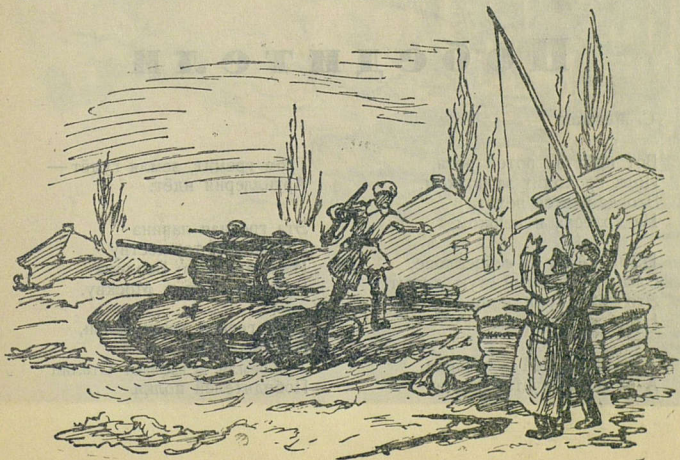
— Я её противотанковой гранатой стукнул, пушку-то,— сказал он, переводя дыхание, потом попросил Лихобабу: — Перевяжи мне голову, Апанас. Осколком задело...

Ночь подходила к концу. На востоке за танком чуть-чуть посветело небо. Ветер утих. Немцы с пригорка продолжали стрелять, но в потёмках огонь был неметким.

Наконец, к мосту, где лежал Кузнецов, приполз Николаев и объявил, что работа окончена.

— Заводите! — весело и повелительно крикнул Кузнецов.— Надоело нам всю ночь пешкою быть.

Оттого, что пушка была уничтожена, а танк готов снова двигаться, всем стало легко и весело.



Илья Гусак, заколеченный и смертельно уставший, во время работы под танком всё беспокоившийся, что у него не хватит сил вести машину, теперь вдруг ощутил в себе новые силы и бодро сел на своё место. Раненого механика из сгоревшей машины усадили в башню, рядом с Кузнецовым. Остальные поместились на броне.

Теперь они могли вернуться к своим. И не так, как пристаёт к берегам моряки, потерявшие кораблекрушение, а с танком, который отстоял жизнью.

Но Кузнецов сказал:

— На хутор! Что же из того, что башня не поворачивается и пушка не стреляет! Есть пулемёт, автоматы. Гранаты остались ещё. Наделаем шуму!..

Мотор загудел на низких, басовых нотах. Из выхлопных труб с шумом выбросило струю отработанных газов, и танк, набирая скорость, помчался к мостику.

Вот уже заскрипел деревянный настил под тяжёлыми гусеницами. Вот уже мчится танк на пригорок, поливая его пулёмётным огнём. Перемахнул через ровик окопа. Раздавил рогатки, опутанные колючей проволокой. Рядом взорвался «фауст-патрон», ударившись о мёрзлую землю. А немец, метнувший его, ушёл упал, чтобы никогда не подняться.

Вот и хутор открылся с пригорка в сером рассвете. Видно, как немцы суетятся на улице. Туда, туда! Танк врывается в хутор. Направо и налево из-за башни летят гранаты. Грохот взрывов. Розовое пламя. Частая дробь автоматов...

Немцев на хуторе оказалось немного. Одним удалось бежать, другие были убиты. Двое встали у колодца, подняв руки. Возле них прыгивает Николаев. А танк идёт дальше. Из конца в конец пронесётся он по ма-

ленькой улице и, вернувшись, останавливается у колодца.

— Ну вот, ребята, теперь немцы нажмут на нас, — говорит Кузнецов, вытирая потное лицо. — А нам надо держаться. И где же теперь наш батальон?

Батальон был далеко. Он вёл бой за оврагом. Но в тот самый момент, когда Кузнецов подумал о том, что сейчас-то и начнётся самое трудное, радист доложил, что заработала радиостанция.

— Давай же, настройвай! — обрадовался командир.

И когда радист поймал нужную волну, Кузнецов сказал в микрофон:

— Я «младший сын Соловья». Занял хутор. Соловей, вы слышите меня? Я нуждаюсь в помощи. При мне два экипажа. Убитых нет, ранен один...

И Соловей услышал его. Командир батальона хотел бы сказать многое своему «младшему сыну», но на фронте люди немногословны.

— Держись, помощь идёт, — сказал он.

* * *

Это было ранней весной 1944 года на Украине. Совсем недавно я встретил Андрея Кузнецова в Москве. Он приезжал сюда на Парад победителей. Когда участники Парада шли с Красной площади, я увидел его и окликнул:

— Вы ли это, «младший сын Соловья»?

Он повернул ко мне своё смуглое лицо и ответил:

— Я самый...

На груди у него каплейкой солнца сияла Золотая звезда Героя.

Победители

С. Маршак

Вот идёт за ротой рота,
Полк проходит за полком.
Это движется пехота
На колёсах и пешком.

Пыль встаёт на небосклоне,
Слышен дробный стук копыт.
Это кони, кони, кони —
Наша конница летит!

А за конницей — тачанки,
А за ними мчатся танки.

Гром гремит, земля гудёт —
Артиллерия идёт.

Эта грозная лавина
К боевому торжеству
Из пленённого Берлина
Возвращается в Москву.

Путь героев триумфален,
И движением руки
У Кремля встречает Сталин
Победителей полки.



А. Похомов. Ленинград.

РЕШАЮЩИЙ БРОСОК.

Четвёртая высота

Елена Ильина

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

История этой короткой жизни не выдумана. Девушку, о которой написана эта повесть, я знала ещё тогда, когда она была ребёнком, знала её также школьницей-пионеркой, комсомолкой. Мне приходилось встречать Гулю Королёву и в дни Отечественной войны. А то в её жизни, чего мне не удалось увидеть самой, восполняли рассказы о ней её родителей, учителей, вожатых, подруг, боевых товарищей.

Мне почастинилось также читать её письма, начиная с самых ранних, написанных ещё крупным, детским почерком на листках из школьной тетрадки, и кончая последними, написанными в перерывах между боями.

Всё это помогло мне узнать, как бы увидеть своими глазами всю гулину яркую и напряжённую жизнь, представить себе не только то, что она говорила и делала, но также и то, что она думала и чувствовала.

Я буду рада, если для тех, кто узнает Гулю Королёву по страницам этой повести, она станет — хотя бы отчасти — такой же близкой, какой она была для тех, кто знал и любил её в жизни.



ОГОНЕК

— Не уходи, — сказала Гуля. — Мне темно. Мать наклонилась над решоткой кровати: — Темнота, Гуленька, совсем не страшная. В темноте ты увидишь такие хорошие сны.

Мать укрыла её погуще. Но Гуля снова подняла голову. Она смотрела на окно, которое едва светилось от уличных фонарей сквозь синюю штору.

— А тот огонёк горит?

— Горит. Сии.

— Покажи мне его.

Мать взяла Гулю на руки, поднесла к окну. Напротив, над стенами Кремля, реял флаг. Он был освещён снизу и трепетал, как пламя. Этот флаг маленькая Гуля и называла «огоньком».

— Видишь, горит огонёк? — спросила мать. — Он всегда будет гореть, Гуленька. Никогда не погаснет.

Гуля положила голову на плечо матери и молча смотрела на пламя, трепещущее в тёмном небе.

Мать унесла Гулю в кроватку:

— А теперь спи.



ТРЕХЛЕТНЯЯ АРМИСКА

Гулей прозвали её, когда ей не было ещё и года. Лёжа в кроватке, она улыбалась всем, и целый день в комнате только и слышалось:

— Гу-гу...

От этого гортанного, голузиного воркования и пошло имя «Гуленька», «Гулюшка».

Одним из первых слов, которое сказала Гуля, было слово «сама».

Когда её в первый раз спустили на пол, она вырвала руку, закричала:

— Сама! — покачулась и пошла.

Она сделала шаг, другой — и шлёпнулась вниз лицом. Мать взяла её на руки, но Гуля сползла на пол и, упрямо передёрнув плечами, снова затопала. Её несло всё дальше и дальше, из одной комнаты в другую, и мать едва поспевала за ней.

Гуля росла. Всё уверенней топали её ножки по комнатам, коридору и кухне, всё шумней становилось в квартире, всё больше разбивалось чашек и тарелок.

Гулю отдали в детский сад.

В детском саду Гуля примирела. Дома, бывало, она ни минуты не посидит спокойно, а здесь она целыми часами сидела тихо, молча и лепила что-нибудь из пластилина, для которого придумала более короткое название — лепин.

Ей нравилось также строить на полу из кубиков разные дома и башни. И плохо приходилось тем ребятам, которые осмеливались разрушить её сооружение. Вся красная от обиды, она вскакивала и награждала своего сверстника такими тумачами, что он поднимал рёв на весь детский сад.

Но всё-таки ребята любили Гулю и скучали, если она не приходила в детский сад.

— Она хоть и драчливая, а зато с ней играть здорово, — говорили мальчики. — Она придумывать умеет.

Гулина мать работала в то время на кинофабрике. И режиссёры, бывая у Королёвых, говорили, глядя на Гулю:

— Вот бы нам Гульку в кино!

Им нравились резвая весёлость Гули, лукавый свет её серых глаз, её необыкновенная живость.

И однажды гулина мать сказала Гуле:

— Ты сегодня в детский сад не пойдёшь. Мы с тобой пойдём смотреть рыбок и птиц.

В этот день всё было не так, как всегда. К подъезду подкатил автомобиль. Гуля усе-

лась рядом с мамой. Приехали они на какую-то площадь, где толпились столько народу, что нельзя было ни проехать, ни пройти. Отовсюду слышался разногласный петушиный крик, хлопотливое кудахтанье кур. Где-то важно гоготали гуси.

На земле и на лотках стояли клетки с птицей и садки с живой рыбой. В воде медленно плавали большие сонные рыбы и проворно сновали вверх и вниз маленькие золотые рыбки, с прозрачными, развеваящимися, будто кружевными, хвостами.

— Ой, мама, что это? — вскрикнула Гуля. — Водяные птички!

Но в это время какой-то незнакомый широкоплечий человек в кожаной куртке подошёл к Гуле и, кивнув ей маме, взял Гулю на руки.

— Я тебе сейчас что-то покажу, — сказал он ей и куда-то её понёс.

Гуля оглянулась на маму. Она думала, что мама отнимет её у «кожаного дяди», но мама только помахала ей рукой:

— Ничего, Гуленька, не бойся.

Гуля и не думала бояться. Только ей не нравилось сидеть на руках у чужого, незнакомого человека.

— Я сама пойду, — сказала Гуля, — пустите меня.

— Сейчас, сейчас, — ответил он, поднёс её к стеклянному ящику и спустил на землю.

Там, в зелёной густой траве, копошились какие-то длинные, толстые верёвочки. Это были ужи. Гуля, недогадая, вцепилась в одного из них и потащила.

— Ну и храбрая же ты девочка! — услышала Гуля над собой голос «кожаного дяди». — А я-то думал, что ты испугаешься.

Трёхлетняя Гуля и не подозревала, что этот дядя был кинооператор и что её только что сняли для новой кинокартины.

В те годы на Трубной площади каждое воскресенье торговали всякой живностью. Любители птиц, рыб, диких животных зверушек всегда могли выбрать здесь по своему вкусу и певчую канарейку, и щегла, и дрозда, и породистого охотничьего щенка, и черепаху, и даже заморского попугая.

Кинооператоры привезли Гулю на Трубную площадь, потому что в этот день они снимали там картину «Каштанка» по рассказу Чехова. В картине этой собака «Каштанка» понабегает на Трубный торг и терзает своего хозяина в толпе взрослых и детей.

Спустя несколько дней Гуля Королёва получила с кинофабрики свой первый заработок — два рубля.

Один рубль был истрачен в тот же день. Дома случайно не было денег, и гуляин

рубль как раз пригодился на лекарство для самой же Гули.

Другой рубль — большой, новенький, жёлтого цвета — хранится до сих пор у гуляинной матери. Он спрятан в коробочке рядом с льняной шелковистой прядкой гуляинных младенческих волос.



Прошло пять лет. Гуля уже училась в школе. Она очень любила читать. Особенно ей нравились книжки о путешествиях.

«Вот бы поскорее вырасти, — думала Гуля, — и самой сделаться путешественницей!»

И вдруг неожиданно гуляина мечта исполнилась: Гуля уехала вместе с матерью далеко-далеко — в Армению.

Для матери это была служебная командировка, а для Гули — одна из самых весёлых поездок.

Во дворе дома, где они остановились, пахло гарью от маленького очага, сложенного из камня против самой двери. Перед очагом сидела на корточках девочка с двумя чёрными, туго заплетёнными косичками. Девочка мешала что-то большой ложкой в медном тазу. Из таза поднимался сладкий, медовый запах, и пахло медом даже на улице.

Время шло к осени. Солнце уже не палило, как летом, а грело спокойно и бережно.

— Как тебя зовут? — спросила Гуля у девочки.

Девочка поправила обе свои косички и стала рассматривать ложку, будто в первый раз её увидела.

— Гаянэ, — тихо ответила она.

— Ты в школе учишься? — спросила Гуля.

— Конечно, учусь, — нараспев сказала Гаянэ.

— А ты любишь свою школу?

— Конечно, люблю.

— А подруги у тебя есть?

— Конечно, есть.

— А со мной хочешь дружить?

— Конечно, хочу, — усмехнулась Гаянэ.

— А где твоя школа, близко?

— Не очень близко, — ответила Гаянэ, — немножко далеко.

Гуля села на ступеньку рядом с Гаянэ. Постепенно девочка сделала разговорчивей, и Гуля узнала от неё, что две снежные горы, поднимающиеся за облака, называются Арарат и что армяне ещё их называют по-старинке Сис и Масис — Малый Арарат и Большой. А Гуля рассказала Гаянэ, что она с мамой проезжала на поезде через какие-то горы и что, когда они рано утром вышли на станцию Алагёз, было очень холодно.

— Так всегда на горах бывает, — сказала Гаянэ. — Вон гора Алагёз, — и она показала рукой на гору, возвышающуюся как раз на-



Гуле три года.

против Арарата. — Мой старший брат Каро на самый верх лазил.

— Где же он? — спросила Гуля.

— А вот, — кивнула Гаянэ на мальчика в меховой шапчонке.

Мальчик сидел верхом на каменной огаде и гадал куда-то вдале из-под руки.

— Это он смотрит, чтобы чужие мальчишки наши груши и айву не таскали, — объяснила Гаянэ.

— Жалко, моего старшего брата Эрика здесь нет, — вздохнула Гуля. — Эрик бы им показал!

Гуля сказала это, не задумываясь, и сама удивилась своим словам. Эрик вовсе не приходился ей братом, он был её товарищем с самого раннего детства, но Гуля в эту минуту позабывала Гаянэ и придумала себе старшего брата.

— А он большой, твой Эрик? — спросила Гаянэ.

— Большой, — сказала Гуля, — может быть, даже больше твоего Каро.

И Гуля посмотрела в ту сторону, где был мальчик в меховой шапчонке.

Мальчик грозил кулаком кому-то, стоящему по ту сторону каменной огады, и что-то сердито кричал на своём языке. Вдруг из-за огады полетели прямо в него комья глины.

Гуля сорвалась с места и побежала к огаде. Она быстро вскарабкалась и закричала:

— Эй вы, мальчишки! Если вы сейчас же не перестанете, я позову моего старшего брата Эрика. У него есть настоящее охотничье ружьё!

Неприятели с изумлением смотрели на незнакомую девочку, совсем не похожую на тихих и робких девочек, которых они привыкли видеть на улицах своего города.

Один из них, самый смуглый и крепкий, смотрел на Гулю, открыв рот и не мигая.

— Постой, постой! — сказала Гуля. — Я до тебя доберусь!

Неизвестно, поняла ли мальчик её слова, но только он круто повернулся и убежал.

За ним бросились наутёк и все остальные.

— Они теперь с другого конца прибегут, — сказал Каро, — я уж их знаю!

— А ты не зевай. Беги им навстречу! — приказала Гуля. — И чуть что кричи: «Эрик!»

Каро сполз с огады и со всех ног бросился в противоположный конец двора. Скоро оттуда донёсся его отчаянный голос:

— Эрик! Сюда! Э-рик!

Гуля бросилась на помощь.

— Эрик идёт! — закричала она на бегу. — Ружьё заряжает!

Каро стоял на покатых крыше дома. Он радостно замахал руками:

— Побежали!

— Ага! — закричала Гуля. — Испугались!

Каро сполз на землю.

— А у тебя, правда, есть брат Эрик? — спросил он.

Гуля кивнула головой:

— Двоюродный...

— А где он сейчас? Дома сидит?

— Дома... в Москве.

Чёрные брови Каро высоко поднялись. Но, сообразив что-то, он засмеялся:

— Хитрая! Брат в Москве, а она весь Ереван братом пугает.



Гуля и Абрек.

— Хочешь со мной дружить? — спросила Гуля.

Каро переступил с ноги на ногу, усмехнулся:

— У меня сестра Гаянэ есть. В Ереване, а не в Москве. С ней дружить можно.

— А с тобой нельзя?

Каро смутился:

— Почему нельзя? Всё можно.

И с этого дня Гуля подружилась с Гаянэ и Каро. А неприятельская армия издала с завистью наблюдала, как брат и сестра отбирали для приезжей девочки самые спелые, самые сочные груши.

Скоро и враги прониклись к этой приезжей уважением. Случилось это так.

Во дворе у них жил на привязи большой сердитый пёс. Абрек. Далеко вокруг разносился его хриплый, свирепый лай.

Несколько раз останавливалась Гуля у ворот двора, где жил Абрек, и заглядывала в калитку, но Абрека не было видно.

Наконец, набравшись храбрости, Гуля вскарабкалась на выступ в каменной огаде и увидела большую серую овчарку. Собака отчаянно крутила головой, стараясь освободиться от толстой верёвки, заменявшей цепь.

— Сейчас я тебе помогу! — закричала Гуля, перемахнула через огаду и, прыгнув вниз, побежала прямо к конуре.

— Куда? — закричал ей вслед Каро, появившийся вдруг над огадой. — Разорвёт! На куски разорвёт!

— Ничего, — сказала Гуля. — Не разорвёт!

Абрек мрачно уставился на Гулю и, равнувшись вперёд, залаял с таким остервенением, что сразу лишился голоса. Гуля остановилась.

— Абрек, — сказала она самым ласковым голосом, — не бойся, маленький, я тебя не обижу..

Абрек до того удивился, что так и осел на задние лапы.

А Гуля, подойдя к страшному псу, погладила его между ушей и принималась отвязывать верёвку. Пёс, казалось, сошёл с ума от радости. Он запрыгал вокруг Гули, потом вскочил на задние лапы, а передние положил ей на плечи.

Отвязав Абрека, Гуля взяла его за ошейник, и сторожевой пёс, которого боялись все окрестные жители, спокойно и кротко пошёл рядом с девочкой, осторожно ступая у самых её ног.

Гулины враги смотрели на неё во все глаза.

И с этого дня о Гуле по всей улице пошла слава, что она никого и ничего на свете не боится.

Но вот настал день гулиного отъезда. У ворот стояла линейка. Каро вынес чемоданы.

Мать Каро, маленькая, тихая женщина, протянула Гуле плетёную корзинку, наполненную виноградными гроздьями. Подошла Гаянэ. Она плакала.

Гуля обняла её, поцеловала:

— Не плачь, Гаянэ. Приезжай к нам в Москву!

Подавля стояли молча соседские мальчики, бывшие гулины враги, а теперь её друзья. Когда линейка тронулась, Гуля помахала им рукой.

И сейчас же вся ватага бросилась ей вслед, а двое самых ловких прицепились к задку линейки. Возница крикнул им что-то на своём языке, мальчики засмеялись и ещё крепче ухватились за край линейки.

Но это было ещё не всё. Вoločа за собой верёвку, на улицу выскочил вздохмаченный Абрек. В несколько прыжков догнал он всю компанию и побегал впереди линейки.

— Абрекушка! — закричала Гуля. — Мама, возьми́м его с собой!

Мама только рукой махнула.

Но вот линейка покатила под гору, и мальчики соскочили на землю.

— Прощай! — крикнула им Гуля, и они оба сняли шапки и махали Гуле до тех пор, пока линейка не скрылась из виду.



Над скалистым берегом моря, в густой зелени акаций, пряталась стеклянная строения Одесской кинофабрики. Издали виднелись красные черепичные крыши.

В этом саду можно было увидеть толпу бойких, босоногих ребятишек и впереди всех — весёлую, загорелую девочку в ситцевой юбчонке и в вышитой украинской рубашке. Это была героиня кинокартины — бесстрашная Василинка.

Шла съёмка картины «Дочь партизана».

Василинкой была Гуля. Случилось так, что она вместе с матерью поехала на Украину. Режиссёры кинофабрики, увидя Гулю, сразу решили, что Василинка должна быть точь-в-точь такой, как Гуля. Матери не хотелось делать из Гули киноартистку, но режиссёры настаивали до тех пор, пока она не согласилась.

Гуле пришлось приняться за трудную, серьёзную работу.

В картине была сцена, где Василинка верхом на лошади берёт препятствие. Для того чтобы сыграть эту сцену, Гуле пришлось научиться ездить верхом — в седле и без седла.

Красноармеец привёл во двор кинофабрики рослого белого коня. Поглаживая своего красавца по крутой, гладкой спине, он говорил:

— Це добрый конь. Нема бильше такого доброго коня, як Сивко.

Но «добрый» конь оказался злым и упрямым, когда на него посадили Гулю. Он так рванулся вперёд, что Гуля сразу съехала ему на шею и чуть не перелетела через его голову. Её вовремя подхватили.

— Вы идите рядом, — сказала Гуля режиссёру, — а я ещё раз попробую.

Она уселась поудобнее и дёрнула поводья. Сивко не тронулся с места. Гуля сжала ногами бока лошади, но та не шелохнулась. Красноармеец потрепал коня по загривку и сказал:

— Чого ж ты, дурень? Ходы! Ходы швыдче!

Гуля снова дёрнула поводья. Сивко вдруг затанцовал, откинулся назад, и Гуля упала ему на спину. Её опять успели подхватить.

Она покраснела.

— Что, испугалась? — спросили её режиссёр и оператор.

— Злякалась? — спросил красноармеец.

— Злякалась, — сказала Гуля. — Думала, убьюсь.

— Ну, может быть, хватит на сегодня?

— Нет, давайте ещё! — ответила Гуля.

То сдерживая, то подгоняя Сивко поводьями, она заставила его, наконец, слушаться. Упрямый Сивко понял, что ему не переупрямить маленькую наездницу.

Учёные повторилось и на другой день и на третий. А когда Гуля научилась ездить и шагом, и рысью, и галопом, на дорожке парка поставили высокий барьер.

Смело и весело уселась Василинка в седло. Она дёрнула поводья, Сивко бросился вперёд, но перед самым барьером шархнулся в сторону. Гуля еле-еле удержала его. Сивко брыкался, мотал головой, кусал удила. Гуля ухватилась обеими руками за его гриву и снова направила его вперёд. Сивко поскакал. Гуля неслась вперёд, и ветер бил ей прямо в лицо. Сивко доскакал до барьера и снова отпрянул в сторону. Он, казалось, во что бы то ни стало решил сбросить с себя эту лёгкую, но беспокойную ношу. У Гули закружилась голова. Она ещё крепче ухватилась обеими руками за белую гриву.

— Прекратит! рететицию! — закричал в рупор режиссёр.

Но Гуля не захотела сдаваться.

— Ничего, у меня выйдет. Должно выйти!
Она уселась покрепче, прилегла к шее коня:

— Ну, Сивко, не выдай!

И опять помчалась к барьеру. Сердце у неё забилось ещё сильнее:

— Не выдай, Сивко!

Но Сивко выдал. Перед самым барьером он опять, в третий раз, шарахнулся вбок.

— Брось, Гуля, не надо! — кричал режиссёр.

Гуля уже ничего не слышала. Стиснув зубы, сжавшись словно пружина, погнала она коня галопом. Доскакая до барьера, она дала шенкеля, конь, не успев опомниться, сделал прыжок, и Гуля, точно на крыльях, взлетела куда-то вверх. Секунда — и конь снова плавно бежал по дорожке.

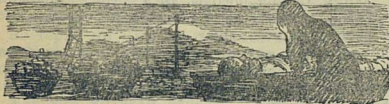
Барьер был взят.

Так двенадцатилетняя Гуля взяла первую высоту в своей жизни.

В Одессе Гуля поступила в шестой класс. Но едва только начала она привыкать к новой школе, к новым подругам, как ей снова пришлось уехать. На этот раз в Киев, где готовилась съёмка новой картины.

Гуля со вздохом стала укладывать вещи в свой чемодан.

В А Р Ь К А И



В А С И Л И Н К А

Киевская кинофабрика оказалась куда больше одесской. Гуле здесь понравилось всё — и мягкий, голубоватый свет на съёмках, который не жёг глаза, и большие съёмочные павильоны, и то, что на фабрике её встретили, как старую артистку. Режиссёр разговаривал с ней так же серьёзно, как со всеми другими актёрами. Он подробно разъяснял каждый эпизод, в котором она должна была участвовать, каждую сцену, и Гуля стала всё яснее и глубже понимать, что такое искусство актёра.

А роль ей досталась на этот раз нелёгкая.

Гуля должна была понять и пережить большие горести, выпавшие на долю Варьки, внучки старого шахтёра.

Для того чтобы она лучше вошла в свою роль, режиссёр возил её на рудники, спускался с ней в шахты.

Затаив дыхание, Гуля слушала рассказы старых шахтёров о том, как в прежние времена опасно было работать в этих плохо устроенных шахтах. Хозяева жалели денег на лучшее оборудование, и в шахтах нередко случались обвалы.

Гуля представляла себе, как страшно было родным шахтёров услышать двенадцать ударов колокола: эти удары означали, что на шахте случилась беда.

В сцене, в которой играла Гуля, прозвучало двенадцать ударов. Набросив наскоро платок, Варька, внучка шахтёра (это и была Гуля), кинулась вслед за взрослыми к шахтам, чтобы узнать, на кого в этот раз обрушилось горе.

На носилках под брезентом она угадала знакомые руки, плечи, голову.

И вот Варька стоит, наклонившись над делом-шахтёром, лежащим в гробу. Стоит в том самом платке, который наспех накинула на голову, выходя из дому.

С ужасом глядявается она в неподвижное лицо старика, и ей кажется, что она знает этого сурового шахтёра с проседью в тёмных ещё усах и бороде давным-давно, что он няньчил её и называл внученькой, когда она была ещё маленькой.

И совсем позабыв, что она не Варька, а Гуля Королёва, она плачет горькими слезами.

Но тишину прерывает голос режиссёра:

— Сначала! Повторить всю сцену!

И опять Варька низко опускает голову. Перед ней человек в гробу. Глаза его закрыты, большие усталые руки сложены на груди. Слезы сами собой набегают на глаза Гули и крупными каплями падают на эти сложенные руки.

Как только съёмка окончилась и Гуля убежала домой, актёр, который играл деда, закуривая папиросу, сказал:

— А знаете, мне казалось, что я и в самом деле помер. Лежу и чувствую, как мне на руки падают настоящие слёзы. Признаюсь: у меня от страха волосы на голове шевелились!

Все засмеялись.

А другой актёр, которому никак не давалась его роль, прибавил:

— Удивительное дело, но при этой девчонке как-то неловко играть неискренно, фальшиво! Ты заученную роль играешь, а она



Гуля в роли Василинки, дочери партизана.



А это кадр из фильма «Бабы византские». Гуля играла крестьянскую девочку.

тут же, рядом, по-настоящему страдает, боится, плачет. Как же тут фальшивить?!

И все согласались с ним, что при Гуле никак нельзя играть плохо.

— Эта девочка всех нас переиграет, — сказал режиссёр. — Если картина пройдёт, наша Варька прославится!

Это случилось прежде, чем новая картина появилась на экранах. Варьку опередила Василинка — дочь партизана.

Когда Гуля вернулась в Одессу, она увидела на огромных рекламках, развешенных по всему городу, белокурую девочку — то верхом на лошади, то по колена в болоте, то возле белой берёзки.

Это была Василинка — дочь партизана. И это была Гуля Королёва.

— Счастливая! — говорили в школе гулины подруги. — Вот счастливая!

А Гуля только хмурилась и сердито качала головой.

— Не очень-то большое счастье, — говорила она. — Дома только и слышишь: «не зазнавайся» да «не зазнавайся». А где уж тут зазнаваться, когда я, того и гляди, на второй год останусь! Ни по одному предмету отметки нет. Да и не так уж хорошо я играла Василинку. Вот Варька — эта, кажется, у меня вышла получше.



— Подумать только, — говорила Гуля подругам, возвращаясь вместе с ними из школы, — подумать только, что мы должны перейти в сельской школе! Это так странно, даже нельзя поверить. Мне кажется, что я только что была в четвёртом классе.

Уже стояла весенняя погода. Ветер был тёплый, упругий, весь пропитанный запахом моря и водорослей. На Приморском бульваре толпилось множество людей. Девчонки продавали первые весенние цветочки, и на солнечном припёке уже шла бойкая торговля мороженым.

Когда после долгих предъязымных занятий Гуля с подругами выбежала на улицу, ей казалось, что в городе какой-то праздник и что вот-вот должно случиться что-то очень хорошее.

Экзамены сошли благополучно. За это время Гуля и думать забыла, что она была когда-то артисткой — Василинкой, Варькой, и знала только одно: что она школьница, которой непременно надо перейти из класса в класс.

И она перешла. А сразу вслед за этим ей снова пришлось ехать в Киев, где в то время начиналась работа над новой картиной для детей под названием «Солнечный маскарад».

Как на грех, погода для этой картины оказалась неподходящая. Солнце редко-редко показывалось из-за туч. Лето было дождливое, и постановщики, словно пилоты в ожидании лётной погоды, то и дело с беспокойством поглядывали на небо и бранили «всесезонную канцелярию».

Зато радовались пасмурным дням ребятам-актёры. В эти дни они были совершенно свободны, у них были каникулы, как у всех школьников.

На отдыхе Гуля придумала для себя новое занятие. Вместе со своей подругой Валей, которая тоже должна была сниматься в картине, она стала ездить в зоопарк.

Гуля всегда любила животных, но, кажется, никогда не третила на них столько времени, как в это лето. Она стала юннаткой и даже взяла шефство над двумя маленькими медвежатами — Гришкой и Мишкой.

Она сама кормила их тваром из жестяного корытца, смотрела, как они взбираются вверх по решотке или точат зубы, грызя поочерёди палочку.

Медвежата скоро стали её узнавать, протягивали ей сквозь решотку лапы и, когда она заходила к ним в клетку, тёрлись об её ноги, словно котята.

— А ты бы лучше не ходила к ним, — говорила Валя. — Они, хоть и маленькие, а всё-таки медведи. Как тянут тебя за ногу, так всю кожу и дерут!

— Ну вот ещё, стану я медвежат бояться! — отвечала Гуля. — Я и к волку в клетку ходила. Знаешь, к тому, к старому, с лысиной на лбу.

— К волку?! — ахала и всплескивала руками подруга.

— Да что ты! — успокаивала её Гуля. — Если волка покормить, его можно потом гладить и трепать, как домашнюю собаку, а он

будет лежать на спине и от радости скалить зубы. Хоть сама проверь!

Но Вале совсем не хотелось проверять...

Солнце всё не показывалось. Лето кончилось. В погоне за солнцем киностудия решила выехать из Киева.

Перед отъездом Гуля отправилась ещё раз в зоопарк — попрощаться со своими медвежатами.

За лето они выросли и стали похожи на взрослых медведей. Но Гуля, которая навещала их чуть ли не каждый день, не замечала этого. В последний день перед отъездом она, как всегда, вошла к ним в клетку и принялась играть с Гришкой. И вдруг она почувствовала, что кто-то тянет её за лапу. Она оглянулась. Это был второй медвежонок — Мишка. Он стоял на задних лапах, переваливаясь с боку на бок. Гуля нагнулась к миске с водой и побрызгала ему морду. Он фыркнул, отряхнулся и вдруг, видно обидевшись, так крепко обхватил Гулю лапами, что она почувствовала, как затрещали у неё косточки.

Она бросилась к выходу. Медведи — за ней. Гуля дернула дверцу — не открывается: заперта снаружи. Да что же это такое?! Кто мог запереть её в клетке с медведями? А медведи дышат прямо ей в лицо, сопят, стараются поймать. То ли играют, то ли сердятся.

Кое-как вырвалась Гуля из тяжёлых, медвежьих лап и вскарабкалась по приставной лестнице, стоявшей в клетке. Оба медведя, не теряя ни минуты, полезли за ней. Вот и последняя ступенька — дальше лезть некуда.

Гуля поглядела по сторонам и, сразу решившись, прыгнула вниз, на землю. Прежде чем медведи успели спуститься вслед за ней, она уже юркнула в кормушку и на четвереньках вылезла наружу.

— Что ж ты не кричала? — услышала над собой Гуля чей-то дрожащий голос.

Она поднялась на ноги и увидела двух своих приятелей-юннатов — Клявку и Кильку. По-настоящему их обоих звали Николаями, а Клявкой и Килькой прозвали только для различия. У Клявки были очень красивые щёки, а Килька была тощ и вертляв, словно килька.

— Что ж ты не кричала? — повторил Килька. — У нас с Клявкой было условлено: открыть, чуть только ты закричишь. А ты будешь воды в рот набрала — молчишь и молчишь. Мы и думали, что всё в порядке.

— Это, значит, вы меня заперли?

— Мы.

— Да зачем же?

— Ну, для того, чтобы посмотреть... — сказал Килька.

— Чтобы испытать твою храбрость, — перебил его Клявка. — Валька нам говорила, будто ты никого не боишься, даже к старому

волку в клетку ходишь. Вот мы и хотели проверить сами...

— Проверить хотели? — сказала Гуля, еле переводя дыхание после возни с медведями. — А вот я вас запроу обоих в клетку с тиграми и проверю, какие вы будете!

— Да ты не сердись, Гуля, — сказал виновато Клявка. — Если бы ты хоть пискнула, мы бы тебе сразу выпустили, а ты молчишь.

Гуля ничего не ответила и, махнув рукой, пошла к воротам зоопарка.

На повороте она оглянулась. Килька и Клявка всё ещё стояли на месте и о чём-то горячо разговаривали, размахивая руками.

На другой день студия в погоне за солнцем выехала из Киева.

Среди отрогов Карпат, на зелёных берегах Буга, ребята провели конец лета.

Куда только ни заведёт, ни забросит киноактёров их бродячая судьба!

Гуля вместе с остальными ребятами жила в белой колхозной хате, распевала по вечерам украинские песни, купалась в быстром, горной речке. Это было славное время!

Книжки, которые Гуля привезла с собой, так и лежали на дне чемодана. Только иногда во время съёмки или на отдыхе, возвращаясь с далёкой занятой прогулки, Гуля с тревогой вспоминала про свои школьные дела. «Им-то хорошо! — думала она, поглядывая на взрослых актёров. — Снимаюсь сколько хочешь — тебя на второй год не оставят. А тут неизвестно, что и делать: то ли сниматься, то ли кнуаться, то ли географию повторять. Э, ладно! В городе буду учить реки и горы, а здесь свои — настоящие!»

Но и в городе заниматься школьными делами ей не пришлось: в первый же день после своего возвращения в Киев она слегла в постель.

Сначала она прилегла на минутку, даже не раздеваясь. Ей казалось, что она просто устала с дороги. Болела голова, кололо в ухе. Ужасно хотелось пожаловаться кому-нибудь, но мамы в городе не было: уехала куда-то в командировку. А жаловаться чужим она не любила.

— Что с тобой, Гуля? — спросила её соседка. — Ты больна?

— Нет, нет. Это я роль учу. Мне придётся играть в картине больную девочку, — выдумала Гуля.

— Очень уж ты хорошо играешь эту роль! — сказала соседка. — Дай-ка я твой лоб пощупаю. Ишь ты, и температура даже поднялась!

Она укрыла Гулю одеялом и тихою вышла из дому.

Через несколько часов гулина мать получила телеграмму:

«Приезжайте немедленно. Гуля больна».

(Продолжение следует.)

НАШИ БРАТЯ ЗА КАРПАТАМИ

П. Белявский



Закарпатские украинские ребятишки, как и все ребята, любят играть. На снимке вы видите, как они играют в хорошо известную вам игру — «коршун».

Когда осенью 1944 года Красная Армия пересекла через Лесистые Карпаты, жители Закарпатья встретили наших бойцов так, как встречают в осиротевшем доме долгожданных старших братьев.

— Йой! Глянь, нению, то ж червони воляки идуть! — кричали в радостном изумлении дети. И их отцы радостно встречали советских воинов.

— Зашли бы-сте в наши хижы с пути. Заждались мы вас!

Эта часть Карпатских гор недаром именуется Лесистыми Карпатами. Северные склоны их покрыты вечнозелеными соснами и елями, а за перевалами, к югу, растут густые дубовые и буковые леса. Они нависают над ущельями, спускаются к петлистым горным дорогам и обрываются только у края Великой Венгерской низменности.

Оттуда же, с гор, бегут в долину, низвергаясь с горных круч в пропасти и образуя водопады, большие и малые реки.

Весь этот живописный маленький край разделён Карпатами на две части, природа которых совершенно различна. Равнина на юге, горы на севере. Жители гор — «верховинцы» — занимаются лесным промыслом, скотоводством, охотой (не-

даром в гербе Закарпатской Украины медведь). «Долиняны», или «нижняны», — землеробы, табаководы, виноделы, садоводы.

Закарпатскую Украину можно объехать на автомобиле за один день. Но населена эта маленькая страна стойким и смелым народом.

Четыреста пятьдесят тысяч украинцев живут в ней. Предки их, древнее славянское племя, составляли единое целое с Киевской Русью. Но во второй половине XI столетия в Закарпатье вторглись венгры и захватили эти земли, оттеснив украинцев в горы.

Более восьмисот лет находилось украинское Закарпатье под властью мадяр. Захватчики делали всё, чтобы истребить в народе национальный его дух и облик. Какой изумительной стойкостью надо было обладать этому маленькому народу, чтобы сохранить — в течение восьми столетий! — национальную самобытность!

Вскоре после освобождения Закарпатской Украины Красной Армией, в конце ноября 1944 года, съезд народных представителей в городе Мукачеве принял манифест о воссоединении. А совсем недавно Верховный Совет Украинской ССР и Верховный Совет СССР окончательно оформили возвращение наших закарпатских братьев в великую семью советских народов.



Жители Лесистых Карпат — «верховинцы» — занимаются лесным промыслом. Срубленные столетние деревья они связывают в плоты и сплавляют их по быстрым горным речкам в безднсные долины.



На этом снимке запечатан самый важный и радостный момент в жизни закарпатских украинцев. Крестьяне села Йрок подписывают манифест о воссоединении Закарпатия с Советской Украиной.



ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ ШКОЛА



Это самая маленькая на земном шаре школа. Вот она вся перед вами. Весь коллектив учащихся состоит из... шести учеников, детей охотников-эскимосов. Помещается эта школа на острове Врангеля. И вовсе не удивительно, что школа там такая маленькая. Только в 1926 году появились на острове Врангеля первые жители — 60 чукчей. Они прибыли сюда на пароходе.

Сейчас население острова значительно увеличилось.

БЕСПРОВОЛОЧНАЯ ПЕРЕДАЧА ЭНЕРГИИ

Что происходит, когда вы слушаете радио? Беспроволочная передача электромагнитных волн на сотни и тысячи километров. Но энергия, попадающая в ваш приёмник, ничтожна. Длинные волны в 1000, 600, 30, 20 метров не могут передать большие количества энергии: они рассеиваются в пространстве.

А как передать без проводов энергию, которая приводила бы в движение станки и освещала бы улицы?

Над этим вопросом много лет работал советский учёный С. И. Тетельбаум. Он доказал, что короткие радиоволны не рассеиваются в пространстве и поэтому их можно посылать узким, сосредоточенным пучком в строго определённом направлении. Он на опыте показал, что если взять две небольшие антенны и передавать радиоволны длиной в один метр на расстояние в 5 метров, то к месту назначения попадёт всего одна двухтысячная часть выработанной энергии. Зато, если сделать огромную антенну в виде квадрата со стороной в 100 метров и передавать короткие волны длиной всего в один сантиметр, то почти половину выработанной энергии удастся передать на расстояние в 50 километров. Длина электромагнитной волны в один сантиметр — далеко не предел, а чем короче радиоволна, тем на большее расстояние можно передать энергию.

Так стало реальным то, что до сих пор казалось фантастикой, — переброска энергии большой мощности по воздуху.

ПИОНЕРЫ-ОХОТНИКИ

Дальний Север. Кажется, что нет ничего живого на бескрайнем ледяном просторе. Вдруг раздался выстрел, всплеск воды, и два мальчика стремительно выбежали из-за ледяной глыбы.

Это пионеры Толя Тедечён и Петя Эттукай. Они уже опытные охотники. Только что Толя с первого выстрела убил нерпу. Это неплохая добыча. Мясо нерпы съедобно и вкусно. Из её шкуры шьют тёплые меховые вещи.

Круглый год охотятся на Дальнем Севере. Здесь бьют морского и пушного зверя.

Маленькие чукчи с детства приучаются к охоте. Их берут с собой на промысел старые, опытные охотники и учат, как находить зверя, как лучше бить его. Нерпу, например, весной надо искать на кромке льда и бить в тот момент, когда она идёт в воду.



АИСТЫ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ



В селе Гостомель, Киевской области, почти на каждой крыше было гнездо аиста.

Три года не видели гостомельцы своих любимых птиц. Покурожившись над пепелищами, аисты улетали дальше на север.

В этом году возродился Гостомель. Новые красивые хаты выстроились вдоль улиц. Село восстанавливали все — на строительстве работали и женщины и пожилые колхозники, немало потрудились и пионеры. Когда дома покрылись крышами, ребята взялись за строительство гнёзд для аистов. Они натащили из леса много хвороста, прутьев и заботливо плели огромные гнёзда, а когда гнёзда были готовы, их охватило бесконечное волнение: не пролетят ли аисты мимо родного села?

Но вот в небе появилась первая птица. Одна, другая. Они делают круг за кругом над Гостомелем и стремительно опускаются на крыши домов. Потоптавшись в гнезде, они как бы пробуют, хорошо ли их новое жилище.

Радостно на сердце у всех: аисты вернулись домой.

Но больше всех радуются ребята.

РАСТЕНИЕ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Обычно думают, что растения неподвижны. Однако это не совсем так. Весной на лесных полянах, в зарослях кустарника зацветает ветреница. Её нежный розовато-белый цветок на длинном стебле качается при малейшем дуновении ветра (потому и назвали растение ветреницей). Но не только в этом её особенность. У ветреницы есть подземный стебель — корневище, — который лежит в земле горизонтально. От него ответвляются многочисленные корни. Часть питательных веществ, высосанных из земли корнями, откладывается в корневище. На конце корневища есть твёрдая, заострённая почка, окружённая белыми листочками. С весны почка начинает быстро расти, буравя почву. Корневище со стороны почки тоже растёт, а противоположный конец его постепенно отмирает.

Таким образом, всё растение медленно передвигается дальше и дальше, попадая в почву, где ещё не использованы питательные вещества.

ВЕЛИКАЯ ГАЗОВАЯ МАГИСТРАЛЬ

Между Саратовом и Москвой на протяжении 850 километров полным ходом идёт строительство мощного газопровода.

От богатых месторождений под Саратовом природный газ пойдёт по газопроводу в Москву. Фабрики, заводы, учреждения, жилые дома столицы получат это экономичное, высококалорийное топливо.

Ежедневно Москва будет получать 1350 тысяч кубометров газа, а в год — около полумилиарда кубометров.

Саратовский газ заменит Москве 407 тысяч тонн нефтетоплива, или 3150 тысяч кубометров дров! С пуском газопровода для подвоза топлива в Москву понадобится на 10 тысяч железнодорожных вагонов меньше, чем теперь; автомобили, доставляющие дрова, будут делать на 500 тысяч рейсов меньше. Сохранится свыше 100 тысяч тонн бензина, который расходуется на подвозку дров. Даже воздух в Москве, освобождённый от копоти и дыма, станет много лучше и чище.

Но сколько препятствий придётся преодолеть строителям газопровода! Газовая магистраль пройдёт через 5 областей, пересечёт 100 рек и ручьёв, 20 оврагов и болот, 400 шоссе, грунтовых и железных дорог, 115 километров лесных массивов. Эпировцы вырыли подводные траншеи для труб на дне многочисленных рек. Лесорубы проредали просеки в лесных чащах. Каждый километр земли, по которой проходит газовая магистраль, тщательно исследуется.

Сейчас закончено рытьё траншей, в которые будет уложен стальной трубопровод. Во многие строительные районы завезены куски стальных труб. Опытные электросварщики сваривают эти куски в один гигантский трубопровод, общий вес которого превысит 50 тысяч тонн.

На снимке вы видите электросварщика Ф. Кравченко за работой.





ЛАГЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Елена Успенская

Рис. В. Ватагина

Недавно перебирала я свои старые, школьных ещё времён, учебники и тетради. Среди книг и бумаг промелькнула тоненькая тетрадь в синей обложке. И сразу же, ещё прежде, чем я перечитала эту тетрадь, вспомнился мне тонкий смолистый запах сосен, вечерняя росистая свежесть травы и белая палатка нашего звена на берегу быстрой прохладной речушки. С берега было видно, как проходят под рябью воды мелкие быстрые рыбки. Ими-то и обелася Лиска. Впрочем, об этом речь будет после. Собственно говоря, именно Лиске, маленькому рыжему лисёнку, и её товарищу Волчику были посвящены записи в моей тетради. Это был мой лагерный дневник. Вёлся он в то славное памятное лето, когда наш школьный юннатский кружок вместе с морскими свинками, кроликами и золотыми рыбками — вечными обитателями всех живых уголков на свете — вывез в пионерский лагерь волчонка и лису.

Они были верными друзьями нашего звена, и сейчас, много лет спустя, мне приятно было вспомнить о них, перечитывая странички своего юннатского дневника.

...Наш кружок получил премию Зоопарка на конкурсе юннатов. И какую премию! Настоящих волка и лису. До сих пор самым главным хищным зверем в нашем живом уголке была старая ворона. Она важно ходила по полу и косила на ребят своим круглым, похожим на пуговицу от башмака глазом.

Хватит ей важничать! Сегодня Рита, Валя и я идём в Зоопарк за премией.

...Все смеялись над нами, пока мы несли их в школу. И правда, они были такие облезлые, жалкие, совсем не похожие на хищников. Рита, конечно, заплакала, когда увидела их: «Бедненькие, маленькие!» Ужасная плакса эта Рита. А я просто спросила:

— Товарищи, скажите, пожалуйста, почему они такие облезлые?

Сотрудник Зоопарка ответил мне, что это объясняется периодом линьки. Как будто этим можно что-нибудь объяснить! Ему-то всё равно — отдай и ладно. А нам каково с такими зверями идти по улице? Лисёнок ещё ничего. Валя несла его за пазухой, так что высывалась только мордочка, а мордочка у него острая, ушки торчат, — всё-таки видно, что он не просто какая-нибудь кошка. Но волк! Это просто позор, а не волк! Он встал в клетке, расставил лапы, качается,

голову повесил, хвост поджал, а хвост узенький, облезлый, как палка. Пока мы несли его, все спрашивали нас: «Девочки, это что? Бешеная овчарка? Или шакал?» А какая-то женщина говорит: «Нет, это кенгуру». Не понимаю, как можно спутать волка с кенгуру. Ведь всё-таки видно — лапы, морда. У нас попробуй-ка на уроке спутай! Елена Александровна такую отметку поставит, что на всю жизнь запомнишь, какая между ними разница. Кенгуру! Тоже скажут!

...Они живут в пустом классе. В школе идёт ремонт, сборы в лагерь, суматоха. Парты выставлены в коридоры, на месте досок и карт белые пятна, а пальмы закапаны краской. В классе жарко. Наверное, зверям здесь очень плохо, и я никак не могу объяснить им, что мы скоро уедем.

...Они уже знают нас. Когда мы пришли сегодня, Лиска бросилась к Вале, а Волчик — ко мне. Как будто они знали, кто за кем ухаживает. Мы, чтобы было не обидно, дежурим все по очереди. Когда Лиска радуется, она визжит, тявкает, вертит хвостом. А Волчик более сдержанный. Подойдёт, прижмётся к ноге и долго так стоит. Он очень хороший. Когда я сегодня мыла его миску, он уселся подле меня и долго смотрел. Над глазом у него повисла соломинка. Он никак не мог сморгнуть её и всё время щурил один глаз, морда в молоке и на усах висят капельки. Милый мой дружок!



Лиска радуется.

Когда мы с Валей уходили, оба они скулили и царапались в дверь. Мы долго стояли около класса. Уходить нужно, а жалко. Было очень грустно. Коридор длинный, пустой, дверь серая, вся в жёлтых пятнах, а из-под неё высываются две лапы: маленькая рыжая и серая побольше. Валя помолчала, помолчала, а потом говорит: «Если бы на нашем месте была Рита, она бы, конечно, заплакала». Мы вернулись к ним и ещё часок сидели все вместе на большой куче сена. Мы там уместились все четвером, и Валя рассказывала зверям, как мы поедем в лагерь. Были уже сумерки.

...Завтра едем! Бегу в школу.

...Сейчас уже очень поздно, и все давно спит, а я никак не могу успокоиться. Зажгла свой фонарик, который папа подарил мне, перед отъездом, и вот пишу. Второй день я в лагере и ещё ничего не видела, даже на речке не была.

Сейчас буду записывать всё по порядку.

Мы выехали очень рано, потому что знали, что добираться придётся долго. Но всё получилось ещё хуже, чем мы ожидали. Нас высладили из одиннадцати трамваев подряд. Вернее Вало с Лиской, а нас с Ритой из шести, потому что в остальные нас просто не пустили. Как доехала Валя, я уж не знаю, мы потеряли друг друга. Знаю только, что она всем кондукторшам объясняла, что везёт кошку, а они не верили. Не понимаю, почему, ведь всё-таки похоже. И потом говорили, что всё равно — с кошкой тоже нельзя. А мы с Ритой, как только поставим клетку на ступеньку, кондукторша уже кричит: «Девочки с собакой, слезайте!» И хотя мы и объясняли, что это волк, а не собака, что мы везём его в лагерь, они всё-таки не пускали нас. Несколько раз нас сначала не замечали, но потом всё-таки высаживали. А одна кондукторша даже позвала милиционера, но он нам ничего не сделал. Рита, конечно, заплакала, а он сказал: «Что ж ты, девочка, укротительница волков, а плачешь», — и посоветовал идти пешком. Ну мы и пошли. Было очень тяжело и жарко. Но на Смоленской площади нам, наконец, повезло. Мы остановились, чтобы немножко отдохнуть, и вдруг слышим, кто-то кричит: «Дочки, что это за зверь у вас?» Оказывается, это кричал вагоновожатый. Мы ему всё рассказали, и он довёз нас на передней площадке до самого вокзала.

На станции, где находится наш лагерь, мы пересели на грузовик. И вот тут-то и началось самое страшное. Мы увидели, что Волчик лёг в клетке, глаза у него стали мутные и изо рта потекла пена. А ехать надо было сорок километров. Когда мы приехали, то сразу же отнесли клетку в сарай и побежали за водой. Я протянула Волчику тарелку, а он откинулся назад, зарычал и забился. Рита говорит: «Волчик взбесился, ведь они бешутся просто от жары». Мы с ней даже растерялись в первую минуту. Было очень жаль Волчика, а главное, страшно за ребят. Ведь в дороге его все гладили, а это значит, что всем придется уезжать из лагеря и делать прививку. Мы подумали, подумали и решили: пока никому ничего не говорить. Сказали только Елене Александровне, что Волчик плохо себя чувствует, и отпросились до вечерней линейки. Долго мы сидели подаяе него. Было уже темно, тихо и только слышно было, как тяжело дышал волчонок. Потом Рита взяла тарелку с водой и просунула её в клетку. Я даже замерла вся. А если Волчик её укусит? И



Волчик поймал бабочку.

вдруг мы услышали, как он начал лаять, жадно, громко. Значит, это был просто солнечный удар.

...«Построили загон для Люси» — это мальчики нарочно записали так в дневнике звена, чтобы подразнить меня. Но я на них ницуть не обиделась. Очень уж я им надоела за эту неделю. На каждом сборе звена говорила о том, что надо устроить Волчику жильё, что он живёт в тёмном, сыром сарае. Лиску мы устроили в первый же день: натянули проволоку между деревьями и прикрепили к ней цепочку.

Теперь и Волчику хорошо. Мальчики отгородили ему высоким забором уголок настоящего леса на краю лагеря. Там маленькие ёлочки, кочки, поросшие мхом и земляникой, и высокий пенёк, на котором очень хорошо сидеть. Под ёлкой мы поставили ящик и выставили его свежим сеном. Волчик торжественно переехал на новоселье, и вечером наше звено рапортовало об этом на линейке. Всё было бы очень хорошо, но получилась одна неприятная история. Дело в том, что когда дежурные стали убирать после обеда посуду, они недосчитались тарелок. Пошли искать. И что же оказалось! Весь загон Волчика был заставлен тарелками с киселем, с супом, с кашей, кто-то даже положил свежий огурец. А Волчик лежал среди этих тарелок еле живой. Так обелся, что пошевельиться не мог.

...Наше звено готовит замечательный сюрприз всему лагерю. Только бы хорошо получилось!

...Сегодня была военная игра. Наше звено вышло в разведку. Мы совершенно бесшумно пробрались в глубь расположения противника и увидели, что части «синих» продвигаются по направлению к нашему штабу. Что делать? Короткий путь к штабу идёт через открытое поле, а если бежать лесом, то «синие» за это время двадцать раз нападут на штаб. Отделённый командир говорит мне: «Отправить с донесением волка. Написать записку Вале». А Валя была в штабе. Я говорю: «Есть, товарищ командир! Только, Боря, ведь он потеряется». А Волчик



Волчик мчится с донесением.

сидит, слушает, как будто всё понимает. Но Борис, как отрезал: «Приказываю выползти!» Ну я привязала Волчику записку к ошейнику, отстегнула цепочку и говорю: «Валю ищи, Валю! Только не потеряйся, миленький!» Он посмотрел на меня умытыми, внимательными глазами и побежал. Мы видели, как он бежал через поле к тому месту, откуда мы вышли. «Синие» его заметили, и кто-то из ребят попробовал поймать. Он огрызнулся, прижал уши, весь взернулся и, низко пригнувшись к земле, помчался дальше, а потом исчез в кустах. Умница какой — ведь нашла, нашла Валю! И мы победили!

А вечером начальник лагеря вынес Волчику благодарность за отличное несение службы связи. Волчик стоял на линейке подле меня и смотрел на флаг. И вдруг как цепенет зубами: поймал ночную бабочку. Улёгся посредине линейки и так долго жевал её, как будто это была целая котлета.

...Сегодня ходили за ягодами. Оказалось, что Волчик очень любит землянику. А Лиска переплыла реку. Мы переходили вброд и решили не переносить её на руках, а поучить плавать. Оставили на берегу, а сами ушли. Она долго бегала по берегу, визжала, попробовала влезть в воду одной лапой, другой, а потом бросилась в реку и поплыла. Только чёрные ушки торчали над водой и рыжие испуганные глаза. Когда она вылезла на берег, мы все покатались со смеху: такая она была маленькая, худенькая и жалкая. Но она отряхнулась, всех нас обрызгала и опять стала пушистой.

Лиска пропала. Когда мы подошли утром к её домику, то увидели оборванную цепочку, которая качалась, позванивая на ветру, и нетронутое блюдечко с супом. Наверное, украли деревенские мальчишки. Они уже давно к ней приглаживались.

...Сегодня я долго не могла уснуть. Мне было очень жалко Лиску. Мы обегали все соседние деревни, но нигде не нашли её. Девочки уже давно спали. Как всегда в деревне ночью, отчётливо были слышны собачий лай, всплески на реке, далёкий крик какой-то ночной птицы. Почему мы не слышим их днём, этих звуков? Почему от них всегда немного грустно на душе?

Вдруг я услышала мелодичный высокий вой. Прислушалась — опять вой! Волчик! Мне стало ясно, что с ним что-то случилось. Я долго лежала и слушала, как он жалуется. А потом не вытерпела, надела сарафан и вышла из спальни. На улице было тепло и тихо. Небо звёздное, чёрное, а кругом всё какое-то

совсем другое. И линейка, и дом, и пацатки на берегу. Высокие тёмные сосны шуршали на ветру. В траве что-то стрекотало, щёлкало, и было слышно, как река бьётся в камышах о берег. Табаки на камуё раскрылись, и запах был тонкий, сильный, совсем особенный — ночной. Мне стало очень страшно. Я было вернулась назад, но потом всё же побежала через луг. У самого леса что-то бросилось мне под ноги, и я упала. Поднявшись, я увидела, как в сторону деревни убегает небольшой пёс. Я подошла к загону Волчика, вокруг него сидели собаки, мохнатые, большие, чёрные, глаза так и горят в темноте. Я закричала на них — своим голосом, но они не убежали, а только попилились от загона. Я откинула шею и вбежала в загон. Волчик бросился ко мне, ластился, лизал руки, прижимался к ногам. Он весь дрожал и показывал мне очень маленьким. Я решила, что сейчас мне не пройти с ним мимо этих собак — разорвут. И осталась у него. Я надолго запомнила эту ночь. Мы крепче заперлись, забрались в домик на сено, Волчик положил мне морду на плечо, поспыивал, поварчивал, дышал в ухо, и я ясно слышала, как сильно у него колотится сердце. А вокруг сидели собаки. Так мы и уснули в домике. Проснувшись я от шума. Ребята стояли вокруг забора и хохотали над нами. С тех пор Волчика решили на ночь запирать в сарай.

Волчик очень скучает по Лиске. Подбегает к её домику, скулит, нюхает землю. Мы пробовали пустить его по следу, но он дошёл до реки и потерял след.

...Сегодня был прощальный костёр нашей смены. Когда кончился концерт, Валя вышла и объявила: «Ребята, наше звено приготовило вам сюрприз. Сейчас вы увидите отрывки из книги Киплинга «Маугли»...» Борю играл Маугли, а Волчик, конечно, самого себя — Волка. Он хорошо исполнил свою роль, и все смеялись, что у него очень удачный грим. Он крадётся за Борей по пятам, прыгал на врагов, рычал. Все аплодировали. Вдруг мы услышали какой-то шорох в кустах. И к Рите на колени прыгнуло что-то мокрое, грязное, скользкое. Это была Лиска. Она юлила, тякала, ласкалась. На шею у неё болтались обрывки верёвки. Убежала всё-таки!

Мы долго не расходились сегодня вечером. Сидели вокруг костра и пели всё хором. Наши звери сидели около меня и Ваи. Лиска свернулась кольцом между лапами Волчика, а он повернул её голову и смотрел на огонь, и озорные искорки прыгали у него в глазах.



Как стать выносливым

Н. Озолин,
заслуженный мастер спорта



В прошлый раз я рассказывал тебе, дорогой читатель, о силе и сильных людях. И ты, наверно, решил, что самое главное в работе и спорте — мускульная сила.

Это не совсем так. Одной силы мало. Если ты будешь несколько раз подряд, без отдыха, поднимать даже небольшой груз, тебе очень скоро покажется, что груз делается всё тяжелее и поднимать его всё труднее и труднее.

Ну, много ли нужно силы, чтобы удержать на уровне плеча вытянутую руку? Кажется, сможешь держать её в таком положении час, а то и больше. А на деле уже через две минуты ты почувствуешь, как быстро устали мышцы, поддерживающие руку, а ещё через несколько минут твоя рука бесильно опустится вниз.

Почему же рука опускалась? Потому что мышцы её устали. Поэтому же самый лучший бегун не может пробежать больше 250 метров в предельно быстром для него темпе. И чем напряжённее и стремительнее движения человека, тем больше он затрачивает энергии и тем скорее устает.

Значит, нужно вырабатывать у себя ещё одно качество: выносливость, умение побеждать усталость. Больше всего выносливость нужна там, где работа протекает длительное время, например в ходьбе, в плавании, в беге на большие расстояния.

Очень интересны и рекорды чемпионов мира в беге: 5 тысяч метров пройдено за 13 минут 58,2 секунды, а дистанция марафонского бега, 42 километра 194 метра, — в 2 часа 29 минут 19,2 секунды.

Но были и более поразительные примеры выносливости в длительном беге. Так, в 1902 году англичанин Гарт на пари пробежал 3218 километров в 31 день. А норвежский моряк Эрнст Мёзеен в 1834 году в течение 13 дней и 18 часов дошёл из Парижа в Москву, то есть прошёл около 2500 вёрст. В 1836 году он доставил телеграммы из Калькутты в Константинополь. Для этого ему пришлось пройти через всю Центральную и Малую Азию, то есть прошагать около 9 тысяч вёрст. Мёзеен выполнил это поручение в 59 дней. В русских газетах ещё до первой империалистической войны сообщалось о русском спортсмене, который прошёл 12 тысяч вёрст, ежечасно делая по 50 вёрст.

Примеры изумительной выносливости можно найти и в плавании. В 1875 году все европейские газеты сообщили об удивительном событии: капитан английского флота Мэтью Вебб перешёл Ламанш, а это около 36 километров. Его достижение знатоки считали непревзойдённым. Но в 1912 году Леопольд Ромаченко, проплыв в Каспийском море 45 вёрст.

Замечательный результат показал мастер спорта Владимир Кистухин, проплывший за 8 часов 25 километров. За это время ты сумел бы пройти пешком в лучшем случае около 30 километров.

Ещё более выдающегося результата добился известный советский пловец на сверхдлинные дистанции Владимир Кузнецов. Он проплыл за 28 часов 59 километров 400 метров. 28 часов подряд плыл он, не выходя из воды. Феноменаль-

ная, сверхчеловеческая выносливость!

Это очень высокие достижения лучших спортсменов мира. Но выносливость нужна не только в спорте. Ещё больше нужна она, скажем, на войне, во время маршей по пересечённой местности с тяжёлой, боевой выкладкой.

Суворовские солдаты прославились своей выносливостью. В Польше, например, они прошли за 17 суток 700 вёрст, почти ежедневно ведя бой с противником. Ещё более разительный скоростной переход Суворова к Пиаченце: русские войска прошли тогда за сутки 105 вёрст и прямо с похода вступили в бой.

Наша Красная Армия оснащена мощной техникой. Но и теперь немало нужно было иметь выносливости и выдержки, чтобы совершить такой гигантский боевой марш, какой совершила армия-победительница, — от берегов Волги до Берлина.

От чего же зависит выносливость и как приобрести её?

Начну с примера. Ты спокойно шагаешь по дорожке. Сосчитай, сколько раз ты вдохнёшь в течение одной минуты. Наверно, раз двадцать. Во время спокойной прогулки ты дышишь неглубоко, вдыхаешь немного воздуха, около тысячи кубических сантиметров, значит, в минуту твои лёгкие поглотят всего около 20 литров воздуха.

Но если со спокойной ходьбы ты перейдёшь на бег, тебе придётся дышать чаще и глубже. Для энергичной работы тебе нужно иметь лёгкие большей ёмкости.

Оказывается, ёмкость лёгких увеличивается под влиянием спорта—тренируемые спортсмены на протяжении многих часов могут вдыхать по 80—90 литров воздуха в минуту. Значит, их организм получает больше кислорода, и поэтому они долгое время не устают.

Твой сердце в спокойном состоянии в минуту делает 70—80 ударов, не больше. Пробеги немного и снова проверь свой пульс. Количество ударов увеличится. У многих бегунов на большие дистанции частота пульса после финиша бывает более 200 ударов в минуту.



Недавно в Москве проводились детские соревнования по лёгкой атлетике. Победителем по прыжкам в длину вышел Аври Рачков («Динамо»). Он прыгнул на 5.79 метра. На снимке запечатлён момент полёта Рачкова после отталкивания.

Значит, сердце и лёгкие работают в самом тесном контакте.

И вот представь себе, что будет, если ты побежишь на тысячу метров без подготовки. Уже в начале дистанции твой организм потребует от сердца и лёгких энергичной работы. Но если твоё сердце не тренировано, не имеет «запаса» мощности и если лёгкие не подготовлены к большой работе и не успевают насытить кровь кислородом, ты сразу почувствуешь, что тебе не хватает воздуха, ты задохнёшься, твои ноги отяжелеют, и у тебя пропадёт желание продолжать бег.

Только регулярные занятия спортом укрепят твоё сердце и лёгкие, сделают их сильнее и работоспособнее и разовьют в тебе способность бороться с утомлением.

Умение правильно выполнять движения тоже повышает выносливость. Например ты бежишь в кроссе. Если твои движения такие же правильные, как у рекордсмена по бегу на средние дистанции Пугачевского, и такие же, как у него,

свободные и непринужденные, то ты будешь затрачивать энергии значительно меньше и твои мышцы будут во время бега не только работать, но и отдыхать.

Однажды удалось довольно точно сфотографировать движения мирового рекордсмена в беге на средние дистанции Юля Лядумег. Снимки показали, что Лядумег только треть времени соприкасается с землей (в момент отталкивания от дорожки и приземления), а две трети времени он находится в полете.

Выходит, что в беге на тысячу метров, когда Лядумег установил мировой рекорд 2,25 секунды, он работал только 50 секунд, а остальное время его мышцы отдыхали.

Это ритмичное чередование работы и отдыха — очень важное умение. Научившись в спорте экономным и наиболее выгодным движениям, ты сумеешь применить это умение и на любой работе.

Что же делать, чтобы воспитать в себе выносливость? Зная, как это делали известные советские бегуны — братья Знаменские?

Много лет назад братья Знаменские работали один молотобойцем на заводе, другой в каменоломнях.

От такой тяжелой работы у них развились мышцы, оба они были очень сильными. Жили они за городом, в пяти километрах от станции, и им нередко приходилось, опаздывая, бежать к поезду. И тут они убеждались, что во время бега у них не хватает дыхания и они быстро устают. И тогда они решили путь от дома к станции и обратно не ходить, а бежать. Постепенно они так втянулись в бег, что иногда, опоздав к поезду, бегом отправлялись в Москву, и двенадцатикиллометровый пробег их несколько не смущал.

Знаменские вели суровый образ жизни. Даже в сорокаградусные морозы они спали с открытым окном. А после утренней гимнастики бежали к реке, протекавшей около дома, очищали от молодого льда прорубь и купались. Эта закалка сделала их еще здоровее.

Однажды на стадионе завода «Серп и молот» проводились спортивные соревнования.

В забеге на тысячу метров впервые участвовали «тяжеловозы», как их тогда называли, — братья Знаменские.

Прозвучал выстрел — и они запоздало ринулись вперед, вслед за участвовавшими бегунами.

Это было давно, но и сейчас ярко вспоминается сцена, разыгравшаяся на финише. Знаменские обогнали всех и пришли к финишу первыми, рядом, нога в ногу.

Судьи в изумлении смотрели на секундомеры — время этих новичков, впервые выступавших на беговой дорожке, было по тем временам очень хорошее — 2 минуты 50 секунд.

Многие отнеслись с недоверием к этому результату. И тогда Серафим предложил проверить их еще раз.

И снова братья побежали по дорожке, и секундомеры показали 2 минуты 48 секунд.

Так началась спортивная жизнь братьев Знаменских.

Много лет выступали в соревнованиях по бегу Знаменские, часто улучшали всесоюзные рекорды. Но теперь они не устали от длительного бега, потому что воспитали в себе выносливость.

Лучшим видом спорта для развития общей выносливости являются кроссы, то есть быстрая ходьба и бег на длинные дистанции (от тысячи метров до 10—15 километров) по пересеченной местности.

Вот почему чемпионы СССР по боксу В. Огуренков и Н. Королёв, футболисты «Динамо» и «Спартак», чемпион СССР по борьбе И. Коткас и многие другие включают ходьбу и кроссы в свою тренировку.

Но ты должен запомнить одно: каким бы ты видом спорта ни занимался, обязательно нужно доводить себя до некоторого утомления (но не до изнеможения). В это время твой организм приучается бороться с утомлением. Если же ты будешь тренироваться «чуть-чуть», «только бы не устать», то ты никогда не станешь выносливым. Вот почему ходьба и бег не должны проводиться в очень медленном темпе.

Все люди имеют очень большой стаж в ходьбе. Но стоит многим из них попытаться пройти 20—30 километров со скоростью, принятой в Красной Армии — 5 километров в час, — и они сразу убеждаются, что это им не под силу — не хватает выносливости.

Почтальон в течение многих лет проходит ежедневно путь в 15—20 километров. Это значит, что за четыре года он пройдет дистанцию, равную пути вокруг земного шара. Казалось бы, если почтальоны так много ходят, значит они должны быть очень выносливы в ходьбе.

Но однажды устроили соревнование между почтальонами и увидели, что они не смогли быстро идти, не уставая. Чем же это объясняется? А тем, что почтальон многие годы ходит со скоростью не больше 4 километров в час. А при такой ходьбе затраты энергии небольшая и она не вызывает такого утомления, с которым организму нужно бороться. Организм без напряжения справляется с работой, и ему незачем совершенствоваться.

Если же нагрузку на организм в тренировке изо дня в день постепенно повышать, то это заставит его постепенно приспосабливаться ко всё более тяжелой работе. А в борьбе с усталостью организма и рождается выносливость.



Первый сбор



Догорают лагерные костры. Дни становятся всё короче, и протяжный сигнал «спать» раздаётся уже в полной темноте. Скоро на торжественной линейке в последний раз дрогнет и медленно сползёт вниз лагерный флаг, а поля и лесные дороги услышат прощальные звуки горна.

Из лагерей, из колхозов, из дальних экскурсий и походов вы вернётесь в свою школу. И вскоре ваш строй соберётся на первый сбор в новом учебном году. Давайте подумаем о том, каким он будет.

Как изменился зал! От гирлянд, развешанных по стенам, слышно пахнет свежей хвоей. На фанерном щите выставлены сделанные летом рисунки. На столах гербарии, коллекции камней, лагерные дневники, банка-аквариум с ручейниками, водяными улитками, водорослями. На самом видном месте размещено оружие. Правда, это только макеты, всё сделано из дерева. Но умелая раскраска придаёт оружию вид настоящего. Здесь автоматы, пистолеты и пулёмёт с трёпчатой. Всё это сделали пионеры, когда готовились к военной игре. На одной из стен висят звеневшие стенгазеты, выпущенные к сбору. Ещё много интересного можно увидеть здесь. Но... осмотр выставки будет после сбора. Вот вожатый уже объявил, что сбор открыт.

— Кончилось лето, ребята. Первое мирное лето после четырёх лет войны. Многие из вас отдохнули в этом году в пионерских лагерях. Многие поработали летом в колхозах и совхозах. Почти все побывали в экскурсиях и походах. Вы многое видели, многому научились. Мы посвящаем сегодняшний сбор итогам лета. Послушаем рассказы ребят, посмотрим их выступления. А главное, подумаем: как продолжить интересные летние дела и зимой. Первое слово даю пионеру второго звена Толе Иванову.

— Нас было трое: Петя Каимов, мой брат Коля и я, — начал свой рассказ Толя. — 23 июля в 9 часов утра мы вышли из дома. Цель нашего похода — исследовать речку Сумерь.

Центральная экскурсионно-туристическая станция, с которой я переписываюсь, предложила всем своим активистам пройти вдоль какой-нибудь речки и описать её. Мы взяли с собой всё, что нужно: термометр Дельсия, размеченный на метры шпагат с грузом на конце для измерения глубин, белую тарелку для определения прозрачности воды, записную книжку, цветные и простые карандаши и другие мелочи. Не забыли захватить и продукты: ведь мы уходили из дома на целый день!

Тропинка вела вдоль речки, спускаясь порой к самой воде. Сумерь течёт неровно: то быстро, то становится совсем неподвижной, образуя бочаги. Мы измерили глубину одного такого бочажка.

Наш самодельный лот показал два метра.

Потом мы взяли тарелку, перевязали её крест-накрест проволокой, прикрепили к ней лот и осторожно, плашмя, стали опускать в воду. Под водой белая тарелка казалась сначала жёлтой, потом коричневой. Когда мы опустили тарелку до глубины в полтора метра, она совсем пропала из виду. Так мы определили, что прозрачность воды составляет 150 сантиметров.

Коля прошёл вперёд и вдруг кричит нам:

— Ребята! Под водой сушки ожили. Смотрите: вон по дну ползают.

Смотрим: на мелком месте, на песочке, по всему дну, действительно, валяется много каких-то палочек, и некоторые из них двигаются, словно живые. Я схватил одну, а это трубочка, и в ней живое существо. Это были личинки ручейников. Они живут в воде и делают домики из всякого мусора. Мы взяли их с собой, и они до сих пор живут у нас, в банке, которую мы принесли сегодня на сбор. Ручейники и здесь строят свои домики из кусочков промокательной бумаги, которую мы им кидаем.

Речка между тем становилась всё уже, течение её замедлялось, всё русло заросло камышом. Полконец она превратилась в канавку шириной в полтора метра. Канавка — Сумерь — привела нас к озеру. Оно и было её истоком. Берег озера был топким, из-под мягкого торфяного мха выступала рыжая вода. Здесь мы собрали большой гербарий



болотных растений. Всего интересней была росянка: к её липким личоткам приклеиваются мухи, и она высасывает из них кровь. Мы принесли домой живую росянку и некоторое время кормили её комарами.

Петя, Коля и я совершили летом много других увлекательных походов. Мы пополняли свои знания по ботанике и очень полюбили географию. После того как мы сами составили карту речки Сумери, мы поняли, как много интересного кроется за всякой географической картой. И я хочу предложить: организуем кружок географов-путешественников.

Рассказ Толи всем очень понравился.

— А теперь, ребята, — сказал вожатый, — послушаем коллективное выступление. Алик Морозов летом пел в хоре в лагере. Он выучил много песен и научил этим песням пионеров своего звена.

За песнями последовал новый рассказ.

— Самыми интересными днями этого лета, — сказал Володя, — я считаю те дни, которые провёл в туристском походе.

Мы отправились в Дмитровский район, Московской области, к местам боев Великой Отечественной войны. Первым на нашем пути селением, носившим следы войны, было село Языково. Только одну ночь продержались здесь немцы, но как разгромили они село!

Недалеко от Языкова — деревня Борносоево. Нас удивили дома этой деревни, не похожие на обычные деревенские дома. Наш руководитель, Михаил Борисович Улицкий, рассказал, что, отступая в декабре 1941 года, немцы сожгли деревню. Он показал нам рисунки, сделанные ребятами, бывшими здесь в походе в марте 1942 года. Это было сплошное пепелище. И мы особенно тщательно зарисовали новые красивые дома.

В Ольгове, бывшем имении графов Апраксиных, где до войны был дом отдыха, на берегу огромного нижнего пруда мы разбили бивуак, поставили палатки, разожгли костёр, сварили ужин. Как приятно было спать на душистой подстилке из сухих ветвей! Рано утром мы выкупались в пруду и опять двинулись в путь. Итак все три дня. Долго они сохранялись в моей памяти.

Я вношу такое предложение: наш отряд должен хотя бы изредка проводить туристские походы.

— Я думаю, что предложение Володи нам надо принять, — сказал вожатый. — А сейчас — внимание!

Распахнулись двери — и появилось... шесть огромных тыкв. Их с трудом катило несколько ребят. Это был летний отчёт Коли Гущина, одного из лучших юннатов школы.

— А теперь, — весело объявил вожатый, — посмотрим выступление наших физкультурников. Мы знаем, что в звене Миши Терехина все пионеры увлекаются спортом. Лето и для них не прошло даром. Они тренировались — кто в лагере, кто в детской спортивной школе. К сегодняшнему сбору звено подготовило интересное выступление.

— Звено, становись! — командовал Миша.

Ребята повскакали со своих мест и быстро выстроились в одну шеренгу.

Загремел барабан. Чётким шагом двинулись вперёд пионеры. На ходу они перестраивают колонну по два, по четыре, чётко делают повороты.

— Купаясь, мы учились плавать, — говорит Миша.

И тогда шесть пионеров устраивают из трёх голубых ленточек «озеро», в котором «плавают» двое ребят.

Затем звено строит живую картину «Наши занятия спортом».

На прогулках, в походах мы изучали дорожные знаки, учились распознавать следы, маскироваться, — продолжает Миша. — Ребята изучали азбуку Морзе. Прочтите, что они вам передадут.

Один из пионеров начинает сигнализировать флажками. В это время остальные строят пирамиду. Но в зале уже прочли флажкограмму. «Будь готов!» — кричит кто-то. И как бы в ответ разворачивается на пирамиде гирлянда с буквами, сплетёнными из зелени: «К учёбе готовы».

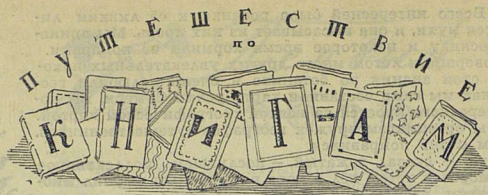
Сбор закончен. Начинается осмотр выставки. Затем затеваются игры, пляски.

* * *

Не собираетесь ли и вы, ребята, провести такой сбор? Подготовьтесь к нему хорошенько. Узнайте, кто где побывал летом, и решите на штабе, чьи выступления будут наиболее содержательными. Дело чести каждого звена — показать на выставке всё самое интересное.

Не забудьте, что все экспонаты выставки надо сохранить, а затем распределить их по школьным предметным кабинетам. Гербарии, коллекции камней, аквариумы с обитателями рек и озёр — всё это очень поможет вам на уроках.





В Краснодаре, в городском саду, стоит памятник. На цоколе его золотая надпись: «Герои Советского Союза Евгений и Геня Игнатовы». К памятнику часто приходит отец братьев-героев, бывший командир отряда краснодарских партизан Пётр Карпович Игнатов. Его тотчас окружают ребята, и по их просьбе он рассказывает о том, как вся семья Игнатовых, вместе с матерью, вместе с младшим сыном, школьником Геней, ушла в партизанский отряд, как воевал этот отряд с немцами, как погибли молодые герои-братья Игнатовы.

Некоторые из рассказов *П. К. Игнатов* собраны в книгу, которую Детгиз издал для вас, ребята. Книга эта называется «*Братья-герои*».

О партизанах, об отважных, неуловимых и грозных хозяевах лесов, рассказывает в своей книге «*От Путивля до Карпат*» и знаменитый партизанский командир, дважды Герой Советского Союза *С. А. Ковпак*.

Благородные поступки, славные подвиги остаются в памяти людей на долгие годы. Прочитав повесть *В. Юрьева* «*Гренадер Леонтий Корень*», вы узнаете о

человеке, который жил больше столетия тому назад, но о котором мы вспоминаем и сейчас с любовью и уважением, об участнике Отечественной войны 1812 года, простом русском солдате, беззаветно преданном родине.

С увлечением прочитает, вероятно, каждый из вас научно-фантастический роман *С. Беляева* «*Приключения Сэмюэля Пингла*». Он приоткроет перед вами некоторые тайны микробиологии.

Читая книжку *Н. Плавильщикова* «*Недостающее звено*», вы вместе с героем её Тингом перенесётесь на миллион лет назад, в начало четвертичного периода, когда по Южной Европе бродили гигантские слоны, а в реках плескались бегемоты, и встретите питекантропа, промежуточное звено между обезьяной и человеком.

Среди книг, недавно вышедших в Детгизе, вы найдёте произведения русских классиков: «*Хаджи Мурат*» *Л. Н. Толстого*, «*Тамань*» *Лермонтова*, две книжки *Чехова*: «*Юмористические рассказы*» и «*Каштанка*».

Обязательно прочитайте эти книги, ребята!

СОДЕРЖАНИЕ

Герой нашего времени	II п. обл.
Разговор с будущими комсомольцами. — Герой Советского Союза Н. Троля	1 стр.
Возвращение Олега. — Ал. Фадеев. Рис. А. Житомского	4 "
Младший сын Соловья. — Очерк В. Полторацкого. Рис. В. Цельмера	10 "
Победители — Стихи С. Маршака	12 "
Четвёртая высота. — Повесть Ел. Ильиной. Рис. Еог. Энрикссон	13 "

Наши братья за Карпатами. — П. Белявский	20 стр.
Отовсюду и обо всём	22 "
Лагерный дневник. — Елена Успенская. Рис. В. Ватагина	24 "
Как стать выносливым. — Заслуженный мастер спорта Н. Озолин	27 "
Первый сбор	30 "
Путешествие по книгам	32 "
Почтовый ящик	III п. обл.

На обложке: картина художника Г. Бершадского «Герой Советского Союза лётчик Алексей Катрич».

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кассиль Л. А., Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Орлов В. И., Сафонов В. А., Сысоева А. А., Успенский Л. В.

Подписано к печати 10/VIII-45 года.	Изд. № 562.	Тираж 24 000 экз.	Заказ 1418
A21643. 82×110. 1/16 бум. листа.	76 999 печ. зн. в печ. листе.	2 печ. л.	

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Переписка читателей «Пионера»:
письма, сообщения, вопросы, советы



Я завёл тетрадь, в которую записываю всё, что узнаю о прошлом Зелёного Дола, туда же записываю свои наблюдения. Мы с ребятами очень часто совершаем походы по лесам и вдоль берегов Волги. Мы узнали, что раньше здесь расстилались болота и леса, что Волга была очень широкой. Около Зелёного Дола берег её переместился на целый километр. Теперь я знаю, что Волга меняет своё русло, размывает правый берег и даёт много отложений на левом.

Хорошо в этих местах рыбачить! Недавно мы с товарищем провели на рыбалке два дня и две ночи. Насаждали червяков, установили подпуска. Потом построили шалаши, заготовили дров на ночь, разложили костёр.

Когда всё было готово, пошли проверять подпуска. На первый попались два окуня и ёрш, а на второй — судак и щука. Когда мы разрезали щуку, в её брюхе нашли ёрша. Получилось так: ёрш заглотил червяка с крючком, а проплывавшая мимо щука заглотила ёрша. Так и попалась она, жадная.

А кто из вас, ребята, совершает такие походы? Напишите о своих наблюдениях в «Почтовый ящик».

Татарская АССР,
станция Зелёный Дол.

Геннадий Трошин



В прошлом году наша школа получила 5 гектаров земли. Мы немало потрудились на школьном огороде, зато получили прекрасный урожай.

В этом году мы снова занимаемся огородничеством. Теперь знаем, как братья за дело. Уже в апреле начали собирать птичий помёт и другие удобрения. Всю землю разбили на участки. С первых дней между пионерскими звеньями началось соревнование.

Мы убрали и озеленили также школьный двор.

Много бед натворили немцы в нашем селе. Но сейчас жизнь у нас быстро восстанавливается.

Нам очень интересно узнать, как живут пионеры московских школ. Что делает каждый из вас, когда немцы угрожали Москве? Напишите, ребята.

Ваня Манжара

Сумская область,
село Николаевка.



С колхозом имени Калинина у нас большая дружба. Наши пионеры проводят в колхозе беседы, читают газеты, обучают неграмотных, собрали библиотечку, оборудовали красивый уголок. Дружно помогали мы колхозу в весенних полевых работах. И наша дружина получила от колхоза подарок — сто саженцев фруктовых деревьев.

Подумали мы и решили: посадим абрикосы, миндаль и вишенки перед домами, где живут семьи фронтовиков Агаева и Аскерова. Вернутся домой с победой наши дорогие земляки и порадуются на свой молодой сад.

Начальник штаба дружины
Сакина Алиева

Азербайджан,
село Маштаги.



Я очень интересуюсь авиацией и изучаю типы и строение самолётов. Сравнивая движение птиц и рыб с движением самолёта, я нахожу между ними много общего. Но я никак не могу понять, каким образом меняют направление насекомые, например майский жук, оса, муха. Ведь у них нет органов, выполняющих роль руля.

Алёша Бухталовский

Любим,
Ярославской области.

Дорогой Алексей!

Большинство насекомых — плохие летуны. Они поднимаются в воздух и, работая крыльями, держатся головой к ветру, но летят не вперёд, а сносят по ветру, как бы «плывут задом». Активно выбирают направление полёта хорошие летуны: стрекозы, некоторые бабочки, перепончатокрылые, реже — мухи и жуки. Они устойчивы в полёте и могут лететь с большой быстротой.

Основной орган полёта — крылья. Они служат для того, чтобы держаться в воздухе и двигаться вперёд. Но при изменении плоскости, в которой находится крыло, резко меняется направление полёта. Этим и пользуются насекомые. У них крылья соединяют в себе качество и лёгкого аппарата и руля. Так же меняют направление и некоторые хорошо летающие, но короткохвостые или почти бесхвостые птицы, например некоторые майки.

Функции руля у насекомых отчасти выполняет брюшко. Длинное брюшко стрекоз, например, играет роль руля в их замечательном полёте.

К. В. Арнольди
доктор биологических наук



Хороший моряк мигом взберётся на самую высокую мачту. Все воспитанники Тбилисского Нахимовского училища готовятся стать отличными моряками. Даже во время отдыха они тренируются в лазаньи по «корабельным снастям», установленным во дворе училища.